

18+

КАШИН ДМИТРИЙ

ПЕРВЫЙ ВСАДНИК

Дмитрий Кашин

Первый всадник

«Издательские решения»

Кашин Д. А.

Первый всадник / Д. А. Кашин — «Издательские решения»,

Писатель, купив новый дом, случайно находит пробудившуюся голову Первого Всадника Апокалипсиса — истинную причину возникновения чумы в средневековье. Теперь его дочери с тёмным прошлым и священнику, страдающему алкоголизмом, придётся остановить Короля Чумы и его армию крыс до того, как они уничтожат всё живое.

© Кашин Д. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
Глава 2	20
1	20
2	21
3	23
4	28
5	30
6	32
Глава 3	36
1	36
2	38
3	40
4	43
Глава 4	46
1	46
2	50
Глава 5	56
1	56
2	62
3	67
4	69
Глава 6	73
1	73
2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Первый всадник

Дмитрий Алексеевич Кашин

Дизайнер обложки GhatGPT

© Дмитрий Алексеевич Кашин, 2026

© GhatGPT, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4344-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Нельзя сказать, что он пришелся ей по душе. Маргарита рассчитывала увидеть милый небольшой домик, в котором они с мужем проведут остаток своих дней, наслаждаясь каждым мгновением отдыха, либо работы в полной тишине, но получила вместо этого нечто другое. Тишины, на первый взгляд, здесь было предостаточно, в этом она согласна. Маргарита не слышала даже пения птиц, которые в отдельных случаях скорее успокаивали, чем мешали. Однако на этом плюсы кончались. Перед ней высился древний особняк, который следовало бы снести еще полвека назад. Одному Богу известно, в каком столетии он был возведен. И при этом, он не имел никакого шарма и романтики, производимых большинством старинных домов.

Может, это из-за неухожженности?

А может из-за того, что она просто ожидала увидеть что-то другое. Один из тех милых домиков, которые показывают в фильмах, когда счастливая семья заезжает в него жить, даже если зрителю заведомо известно, что он полон привидений. А в таком особняке вряд ли бы сам призрак отважился поселиться.

— Ну и как тебе, Марго?

Бен, муж Маргариты, стоял по другую сторону автомобиля. Пять минут назад они подъехали к дверям их будущей крепости, вышли из машины и молча осматривали его, не смея нарушать царившее здесь спокойствие.

Марго не была посвящена в планы мужа. Всё дело вплоть до этого момента он взял в собственные руки. Отчасти, конечно, Маргарита была благодарна ему за это, но теперь она с горечью осознала, что обоюдный выбор — гораздо лучше. И почему она ему полностью доверилась? Наверное, старая привычка, выработанная за несколько десятков лет совместной жизни.

— Трудно сказать, — ответила Маргарита, не сводя глаз с особняка. — Сколько ему тысяче... Эм... Лет?

— Очень смешно, — Бен с улыбкой повернулся к жене.

Закрыв дверь машины, он сделал два шага вперед и поднял голову, глядя на дом. Затем медленно повернулся вокруг своей оси, пока не вернулся в исходное положение.

— Оглянись вокруг. Это идеальное место. То, что мы искали. То, о чем мечтали, — начал Бен, стоя спиной к Маргарите. — Здесь никто нас не потревожит. Никаких лишних звуков, кроме пения птиц, шелеста травы и завывания ветра в кронах деревьев. Дыхание самой природы и ничего более. И при этом — все удобства для полноценной жизни. Включая интернет и сотовую связь, кстати. Так что не надо думать, что мы в абсолютной и глубокой глуши, — он повернулся к своей жене, которая до сих пор не спешила отойти от автомобиля, словно надеялась, что сейчас сядет обратно и они уедут, вместо того, чтобы оставаться здесь навсегда.

— Интернет, говоришь?.. Удивляет не сотовая связь, а обыкновенная вода, ведь до города далековато, — Марго не отрывала глаз от дома, стараясь изучить каждый его сантиметр, каждую царапину, шероховатость и потертость.

— Всего километра два. Ну, или три, — пожал плечами Бен.

— А до ближайших соседей?

— Чуть меньше полукилометра. Сказать сложно, я не измерял. Тебе важно, чтобы соседи были рядом, прямо по ту сторону забора?

— Нет, — она замотала головой, — просто...

— Что?

— Это не то, что я ожидала увидеть, — призналась Маргарита.

Бен хотел улыбнуться вместо ответа, но заставить себя так и не смог.

— А что ты ожидала увидеть?

Марго наконец решилась отойти от машины и сделала маленький робкий шаг в сторону.

— Дом с привидениями, например, — она хихикнула, словно маленькая девочка (не могла удержаться). — А лучше — просто частный дом, без всяческих излишеств вроде собственной столетней истории. Надеюсь, в нем никого не убили? Никто не кончал тут самоубийством? В подвале нет могил прежних хозяев? Может, вампиры?оборотни?

— Перестань, стоп! — Бен поднял руку ладонью вперед, заканчивая излияние фантазий жены. — Неужели настолько все плохо?

— Нет, конечно. По крайней мере не настолько, но... Просто выглядит он... Странно. Не пугающе, а просто очень странно. Он слишком старый... Для того, чтобы стоять без медленного движения вниз.

Бен рассмеялся. Легкий сарказм жены немного развеселил его. Он не мог припомнить, когда в последний раз смеялся так, как сейчас. Чистый воздух, по всей видимости, опьяняет не хуже хорошей порции виски в жаркий день. Даже голова слегка закружилась. Настроение было приподнятым, несмотря на то, что поездка не прошла без некоторых шероховатостей, вроде пробитого колеса, пока они пересекали полосу проливного дождя и разлитого Маргаритой кофе в салоне автомобиля.

Маргарита молча смотрела на мужа с кислой улыбкой. Переведя взгляд обратно на дом, она медленно выдохнула. Он не был ужасным. Он не был отталкивающим. Просто он был словно не для нее, хоть она и понимала, что скорее всего проведет здесь остаток своих дней. Собравшись с духом, она подошла к Бену и протянула руку ладонью вверх.

— Ключи, — почти повелительно сказала она.

— Как прикажете, Ваше Величество, — легким движением он извлек из кармана брюк ключи от дома и отдал ей с шутливым поклоном. — А я пока, с Вашего позволения, осмотрюсь снаружи.

Ничего не ответив, Марго с тихим шелестом прошла по насыпной тропинке к ступеням, ведущим на просторную веранду. Под её весом, ни одна из четырех, на вид почти сгнивших досок не то что не прогнулась, но даже и не скрипнула. Но Маргарита этого не заметила. Подойдя к двери, она с легким беспокойством и нарастающей тревогой просунула ключ в замочную скважину и провернула. Замок благодарно щелкнул, пропуская новую хозяйку в свою обитель.

2

Бен был писателем. Не слишком успешным, по мнению некоторых, но плотно занявшим определенную нишу в жанре мистического хоррора с отдельными элементами готики. Многие критики обходили стороной его произведения, но большинство из тех, кому они все же попадались, не стеснялись в выражениях, буквально плюясь от каждого слова, прочитанного ими. Как известно, критики лишь критикуют, в то время, как читатель платит за интересующие его истории. Так что, если на одну чашу весов расположить словесный яд, отравляющий душу любого писателя (особенно начинающего), а на другую количество проданных экземпляров самого непопулярного романа, то последняя неизменно перевешивает, намертво прижавшись к земле.

Первую книгу Бен написал в возрасте тридцати трёх лет, спустя десять, после того, как он и вся его семья окончательно эмигрировала (по причинам, так и оставшимся для него неизвестными) из Англии в канувшую ныне в небытие социалистическую страну. Говорят, что если человек не создал ничего до тридцатилетнего возраста, то у него уже ничего не получится. Как и многое другое, что говорят другие люди — полный бред, и его книги — тому подтверждение. Вскоре после её публикации он встретил Маргариту. Добиваться её расположения, как было принято раньше, оказалось сложнее, чем вымучивать новый роман, который раз за разом приходится переписывать. Но как и процесс создания книги, Бен покорила милую, темноволосую девушку, так глубоко запавшую в его сердце. И вот теперь, много лет спустя, они смогли осуществить свою давнюю мечту о собственном большом доме за городом, где никто не сможет их потревожить сверх необходимого.

Бен молча проводил взглядом свою жену, скрывшуюся через несколько секунд по ту сторону двери, и посмотрел в пустые глазницы окон дома. Особняк высился над ним непоколебимой вершиной, от вида которой по телу шла легкая благоговейная дрожь. Если, как выразилась Маргарита, у этой глыбы и была «своя собственная столетняя история», то о ней никто ничего не знал. Либо — самый правдоподобный вариант — просто не стали рассказывать, дабы не отбивать желание о покупке. Вряд ли дому добавляет ценности тот факт, что в нем произошло нечто, выходящее за грань спокойной размеренной жизни. Да и остановило бы это Бена, который, увидев его, ощутил внутри себя некое внутреннее землетрясение, знаменующее лишь о том, что он согласен на любые условия? Такое было впервые в его жизни. Так или иначе, размышлять долго ему не пришлось и он согласился на покупку дома (по весьма «шоколадной» цене, со слов риэлтора) практически с самого порога. С тех пор оставалось лишь одно беспокойство — как Маргарита примет новый дом. И судя по её первому впечатлению — в восторге она не осталась.

На первый взгляд, можно было подумать, что перед ними стояла старая заброшенная церковь, лишившаяся последних прихожан десятки лет назад. Не хватало только небольшого билборда, расположенного рядом со входом, который был бы забит разнообразными церковными объявлениями. Вместо него торчала накренившаяся подгнившая деревянная ножка, на которой, возможно, в стародавние времена покоился грузный почтовый ящик. Насыпная дорога, берущая своё начало от асфальтированной, вела через просеку. Подходя к дому, она истончалась на несколько ручьев-тропинок, одна из которых упиралась в ступени, а две другие расходились в разные стороны, окольцовывая тем самым все строение.

Левый угол дома закруглялся, поднимаясь над его крышей небольшой башенкой, за которой в свою очередь прятался каминный дымоход. Скаты крыш поддерживали друг друга, словно каждая часть дома пыталась дотянуться до неба сама по себе, но неизменно проигрывала остроконечному колпаку башни. У тех, кто возводил этот особняк, определенно имелся

свой вкус. И не будь он снаружи выжжен солнцем и источен дождями, несомненно, Маргарита бы осталась в восторге.

Бен задумчиво улыбнулся и пошел по гравийной тропинке, плотно заросшей сорняком, которая вилась вокруг дома, ведя на задний обширный двор. Калитка недовольно скрипнула ржавой пружиной, когда Бен отворил её, входя на приобретенную территорию. Картина, представшая его взору, не изменилась с первого его посещения, перед покупкой. Обветшалый забор с зияющими дырами брал своё начало с заднего угла особняка и, взяв в правильный квадрат огромное пространство, заканчивался на противоположном углу дома. Защищая его от наступающего со всех сторон леса, со временем он стал явно проигрывать этот неравный бой. Деревья по ту сторону разрослись слишком буйно и некоторым уже удавалось медленно захватывать необжитую территорию заднего двора, с царящим здесь сорняком небывалой высоты. Для того, чтобы облагородить только эту территорию, по его скромным прикидкам требовалась минимум неделя тяжелого труда. Сорные растения доходили ему практически до груди и заполнили ровный квадрат длиной и шириной примерно в двести метров. Огромная площадь для пустыря. И прекрасный простор для воплощения собственных фантазий об идеальном дворе, граничащий с лучшим из всех соседей — лесом. Свежий воздух, тишина и простор — то, что нужно, для писателя, в последнее время часто переживающего творческий кризис. Даже в отсутствие идей, тут всегда будет чем заняться.

Бен остановился перед границей травы. Тропинка здесь четко отсекала её дальнейшие попытки подобраться к дому. Он закрыл глаза, вдохнул чистый воздух полной грудью и сделал шаг вперед, погружаясь в зеленую пучину. Трава приняла его в свое лоно без намека на отторжение. Она словно расходилась в стороны перед ним и мягко закрывала за его спиной проход. Еще шаг, другой, третий. С плотно закрытыми глазами он шел вперед, не боясь совершенно ничего. Бен шел так, будто знает здесь каждую пядь земли. Каждый бугорок, травинку и мышиную нору. Сделав таким образом около пятнадцати шагов, он, наконец, остановился и открыл глаза. Трава скрывала его до самых плеч. Плотные, густые заросли гудели изобилием насекомых и шевелились в такт проносившемуся легкому ветру.

Никогда прежде он не видел такой высокой травы, как здесь. Бен протянул руку вперед. Слегка шершавая, чуть влажная, с неизменным запахом зелени, ничего необычного, кроме ощущения, словно она пытается что-то скрыть под собой.

«Придется попотеть», — подумал Бен.

Все грузовики с мебелью и вещами должны приехать завтра утром. Бен с Маргаритой добрались сюда налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. А среди всех привезенных вещей и тех, что доставят завтра — триммер для скашивания травы не числился. Кому в квартире могла пригодиться мотокоса? Так что, судя по всему, займется он этим еще не скоро.

Ветер, дохнувший прохладой в лицо стоящего в траве мужчины, сбил его с мыслей, и сперва Бен даже не мог понять, что вырвало его разум из полета. Он сфокусировал свой взгляд на деревьях, стоящих вдали, и напряг слух. Трава вновь зашуршала, сгибаясь под дуновением лёгкого ветра. Зеленая волна катилась на Бена и в мгновение ока достигла его. Шепот. Чей-то неясный шепот вновь пробежал мимо него. Набор звуков, принесенный колебанием воздуха, не похожий ни на что прежде слышанное. Гортанный, захлебывающийся, булькающий и такой далекий, словно брал свое начало на другом конце этого бескрайнего леса.

Шепот оборвался так же внезапно, как и появился. Зеленое поле замерло в тишине и сколько бы Бен ни стоял, прислушиваясь и вглядываясь между деревьев — ничто не нарушало идиллии стоящей перед ним картины.

— Бен?

3

Дверь, в отличие от ступенек, скрипнула, открываясь перед Маргаритой. Женщина прошла внутрь, оставляя мужа позади и оказалась в полутьме прихожей, которую пытался разогнать лишь дневной свет, просачивающийся сквозь щели едва запертых дверей. В нос ударил легкий аромат цветущих роз, немедленно сбивших с толку женщину. Ожидая почувствовать присущие таким старым домам запахи сырости, пыли и затхлости, Маргарита не была готова к такому повороту событий. Глаза постепенно привыкли в скудному освещению и удивили её не меньше, чем собственное обоняние. Внутри всё выглядело просто потрясающе. По крайней мере на первый взгляд.

Сняв обувь на мягком коврике у двери, она сделала маленький робкий шаг точно в тот момент, когда Бен, снаружи, сделал первый уверенный шаг по тропинке. На мгновение она почувствовала себя в лабиринте и почти поддалась легкой панике, не зная, за какую дверную ручку схватиться и с чего начинать. Но, решив действовать методично, по порядку и быстро, она начала с того, что показалось ей этим самым «началом» — ближайшая дверь справа от нее, ведущая из просторной прихожей в уютную, но так же не обделенную местом кухню, где вполне можно было развернуться.

Вернувшись назад в холл, она открыла дверь напротив. Просторная комната с камином и закругленным башенным углом, прорезанным по кругу оконными проемами. Естественное освещение делало эту нишу идеальным местом для чтения книг, а камин в углу при первом же беглом взгляде согревал своим теплом потрескивающих дров. Фантазия Маргариты уже всюду бушевала, представляя, как следует правильно всё разместить в этом помещении, которое, без сомнения, являлось сердцем всего особняка.

И нигде, ни в одной из других, последующих комнат, она не видела той ветхости и древности, покрывших дом снаружи, словно внутри остановилось само время. Ванная комната сияла чистотой практически нового кафеля, а кухня — обилием настенных шкафов и свободного места под разнообразную технику. Всё выглядело так, будто только вчера в этом старом особняке сделали капитальный ремонт. И по всему первому этажу витали восхитительные запахи свежих цветов.

Заперты оказались две двери. Одна вела на задний двор, а другая, которая полностью сливалась со стеной, скорее всего, вела в подвал, о наличии которого Марго до сих пор не подозревала и даже не узнала бы о ней, если бы не заметила небольшую круглую ручку и маленькую замочную скважину под ней. Ни один из ключей, которые дал ей Бен, не подходил к замкам. Лестница, справа от двери подвала, вводила на второй этаж и, покончив с беглым осмотром первого, она преодолела два лестничных пролета и оказалась в полукруглом холле.

Так же, как и внизу, здесь ничего не вызвало отвращения со стороны Марго, которая изо всех сил пыталась найти малейший изъян. Кто бы ни приводил внутренние помещения в порядок — следовало отдать ему должное. Чистота и убранство не шли ни в какое сравнение с тем хаосом, что царил снаружи. Три комнаты и санузел были практически точной копией первого этажа, за исключением некоторых вещей. Логичное отсутствие камина, пустое помещение над кухней первого этажа и балкон в третьей комнате, в спальне, как мгновенно решила Марго. В каждой из комнат шторы, чистые и мягкие на ощупь, были закрыты, отчего мрак здесь был плотнее. Маргарите приходилось раскрывать их, впуская солнце в пустующие помещения. Добравшись до будущей спальни, она отдернула огромную занавеску, скрывавшую за собой дверь на балкон. Как будто нерешительно она взялась за ручку, почувствовав прохладу и легкую шершавость металла и, опустив её вниз, осторожно потянула на себя.

Бесшумно перешагнув порог, она оказалась на широком, просторном, некрытом балконе, с которого открывался вид на запущенный задний двор, упирающийся в вечнозеленые сосны

и ели. С первого взгляда на это бушующее зеленое море она не сразу выхватила из него своего мужа, который уже утонул в его просторах, ничем не выдавая своего местоположения. Маргарита подошла к перилам и прикоснулась к ним. Слегка нагретые слабым предвечерним солнцем, периодически скрывающимся за облаками, они были такими же старыми, как и все остальное снаружи. Серая краска, некогда покрывавшая их, слезла, и этого вполне следовало ожидать. Единственная странность, внезапно пришедшая на ум Маргарите, заключалась в том, что нигде не было видно птичьего помёта, которого обычно всегда в избытке на балконах без крыши, а ответ в духе, что кто-то прибрался до их приезда, никак не согласовывался с поведением крылатых мешков с дерьмом.

Ветер лёгким прикосновением вывел женщину из размышлений. Нечто неправильное было в этом. Словно это было не колебание воздуха, а звук, который прошёлся по её коже, заставляя покрыться мурашками. Маргарита замерла, сфокусировав своё внимание на огромной территории заросшего двора. И только сейчас заметила своего мужа, слегка возвышавшегося над неподвижной зеленой поверхностью. Он стоял неподвижно, словно высматривая что-то впереди себя, или же находясь в каком-то трансе. В любом случае, Маргарита могла видеть только его затылок и о направлении его взгляда приходилось только догадываться.

С высоты второго этажа она заметила зеленую волну, взявшую начало от самого леса, словно из его недр вырвался поток воздуха. Волна миновала Бена и, стремительно продолжив движение до самого конца травы, достигла Маргариту. Ветер, лёгкий и быстрый, принес с собой набор невнятных звуков. Тихое бормотание скрытого от глаз неизвестного живого существа. Этот звук по непонятной причине заставлял застывать в жилах кровь и содрогаться при одной мысли о том, что существо это наблюдает за ней. Страх овладел Марго. Быстрый, словно недавно пролетевший ветер и жгучий, как лед, текущий в венах. Он заставил её пальцы сжать перила так сильно, что ладони заболели, но Маргарита этого не осознавала. Она пыталась разглядеть любые признаки, которые могли выдать источник звука, но всё тщетно. Более ничего не нарушало спокойствие этого места. Несколько безмолвных и бесплотных минут прошло в лицезрении тишины заднего двора, и ужас, овладевший ею так стремительно, теперь казался Маргарите почти забавной историей о том, как легко она поддалась панике на ровном месте.

Бен все так же неподвижно стоял в поле невиданной высоты сорняков, а время неумолимо приближалось к вечеру. У них еще оставались дела, так что придется все успевать.

— Бен? — позвала его Маргарита.

4

Бен вздрогнул и резко обернулся. Глаза его несколько секунд лихорадочно скользили по дому, пока не выхватили его жену на балконе второго этажа. Если бы Марго стояла рядом, то смогла бы различить на его лице наплыв облегчения и услышала бы медленный долгий выдох.

— Что-то не так? — спросила она.

— Нет. Все... нормально. Просто осматривал все это, — он поднял правую руку и неопределенно махнул в сторону. — Земля здесь плодородная, не находишь?

— Если её плодородие заключается только в этом, то ничего хорошего здесь я не вижу, — пробормотала она.

— Что? — не расслышал Бен.

— Я говорю, пойдем выгружать вещи, — не дожидаясь ответа, Маргарита ушла внутрь дома и закрыла за собой дверь.

Еще минуту Бен простоял в траве, прислушиваясь к царящей вокруг тишине, которую не мог нарушить даже стрёкот невидимых насекомых. В последний раз, окинув взглядом всю территорию, он буркнул что-то неопределённое себе под нос и направился к тропинке, заново прокладывая путь в бушующей растительности.

— Ключ от подвала у тебя? — спросила Маргарита, как только они встретились у своего старенького автомобиля.

— От какого подвала?

— Не думаю, что их тут несколько.

— В доме действительно есть подвал? — Бен удивленно смотрел на Маргариту.

Она вздохнула.

— Ты серьезно?

— Более чем.

— Да, в доме есть подвал. Судя по расположению двери, в доме действительно есть подвал. А дверь под замком, от которого ключ находится... Где? — Марго вопросительно посмотрела на своего мужа, который, казалось, из последних сил пытался понять её слова.

— Без малейшего понятия. Единственные ключи, которые я получил — у тебя. Кроме, конечно, запасного комплекта, который ничем не отличается от основного, — он пожал плечами и открыл багажник.

— Получается, что и от черного хода ключей нет тоже? — не отставала Маргарита.

— Получается, что так, — Бен беззаботно достал первую сумку и поставил её на землю. — Как только разберемся с вещами и скорыми делами, то займемся и поиском ключей. Просто я не помню, что кроме имеющихся, были ещё какие-то другие. Так что давай отложим это на некоторое время. Хорошо? Вот, возьми лучше это, — он извлек из багажника еще две, самые легкие сумки и протянул их жене.

Маргарита молча взяла их и направилась к дому.

Остаток дня они провели в делах, на скорую руку разбирая все, что смогли привезти с собой. На утро — к дому практически одновременно подъехали три небольших грузовика со всеми остальными пожитками. Грузчики, с красными от натуги лицами, не обращая никакого внимания на дом и его окрестности, сновали по дому, перетаскивая мебель с места на место, по указаниям Бена. Маргарита же начала разбирать коробки, маркированные по всем правилам переезда.

Обед и последующий ужин, им привезли из местного сетевого кафе, единственного в этом городе, предлагающего доставку на дом. Курьер выглядел потрясенным, когда вручал пакеты с едой женщине, но уставшая Маргарита не замечала как вытянулось лицо доставщика.

Вместо этого, она молча оплатила заказ наличными без сдачи и закрыла за собой дверь, оставив молодого парня в бело-зеленой униформе один на один с собственным удивлением.

День прошел слишком быстро, для того, чтобы в нем можно было что-либо заметить и запомнить. Вымотанные до предела, хозяева нового дома буквально рухнули на кровать.

— Спокойной ночи, — пробормотал Бен.

— Спокойной ночи, — ответила Маргарита с небольшим опозданием, зная, что после своего пожелания Бен тут же отключился.

Несмотря на дикую усталость, женщина еще несколько минут лежала с открытыми глазами, думая о запертой двери. Впервые увидев её, она не давала Марго покоя. Практически невидимая дверь скрывала за собой неизвестные секреты. Но какие? Холодок пробежал по коже и на мгновение Маргарите захотелось включить свет, чтобы почувствовать себя в безопасности, но она взяла себя в руки. Улыбнувшись во тьму собственным выдуманным страхам, она повернулась на бок, закрыла глаза и спустя еще пару минут мирно спала без единого сновидения.

5

Бен проснулся первым. Вопреки тому, что практически вся физическая работа была выполнена другими людьми, его тело постанывало, сообщая о перегрузке. Стараясь не думать о том, что это было всего лишь началом предстоящей работы, он медленно выбрался из-под толстого одеяла. Не нарушая покоя сна Маргариты, он натянул на себя вчерашнюю одежду, от которой, признаться, уже начинало попахивать терпким запахом пота, и выскользнул за дверь.

Коробки с вещами громоздились практически во всех комнатах вдоль стен и Бен чуть было не споткнулся о некоторые из них, рискуя не только собственным мизинцем на ноге, но и созданием хаоса, который наступит, как только одна из неустойчивых башен рухнет. Осторожно пройдя в ванную, он умылся и устало глянул на отражение в зеркале. Щетина уже начала превращаться в густую черную бороду, но бриться сейчас было выше его сил. Выйдя из ванной комнаты, он все-таки запнулся о стоящую в холле башню из трех небольших коробок, но, подавив возглас боли и удивления, удержал все от падения.

«Чертовы лодыри. Ведь сказал же, чтобы расставляли все по комнатам», — проклиная грузчиков, Бен спустился на первый этаж.

Ключ.

Он остановился. Как будто шепот, шедший из глубин сознания, выудил из памяти и подсказал то, о чем он уже вновь позабыл. Ключи от дверей. Ну конечно! Но от каких? Бен стоял спиной к лестнице и посмотрел направо. Как и Маргарита, Бен увидел скрытую в стене дверь лишь благодаря маленькой круглой латунной ручке, отражающей луч света. Порывшись в памяти, он не мог вспомнить, показывали ему при осмотре всего дома сам подвал или нет. Его пальцы пробежали по маленькой, почти незаметной ручке двери, осторожно ощупывая её, словно выискивая скрытую ловушку. Прохладная латунь приятно щекотнула распаленную и уставшую кожу ладони. Сжав пальцы в кулак, Бен медленно потянул ручку на себя. Дверь не поддавалась ни на миллиметр, оставшись намертво прикованной к стене. Напрягая все мускулы, он, стараясь сделать все без лишнего шума, еще раз подергал её, выбирая произвольные движения и направления, но ничего не изменилось. Все оставалось неподвижным. Только оставив все дальнейшие попытки, Бен заметил под старой латунью небольшой узкий глазок замочной скважины. Наклонившись, он заглянул в него, но не увидел ничего, кроме темноты. Он даже не мог понять, был ли этот глазок сквозной, или же внутренняя его шторка скрывала дальнейший проход от любопытных глаз.

Оставив дверь в покое, Бен пересек холл и подошел к еще одной запертой двери, о которой говорила Маргарита. Не в пример первой — ничего необычного в ней не было и Бен даже не стал ничего проверять и предпринимать, лишь молча пожав плечами, мол, заперта и заперта. Если есть замок — где-то обязательно есть ключ.

Около получаса он обыскивал автомобиль. Ничего. Бен не мог припомнить, были ли еще ключи помимо тех, которые ему вручили. Никогда прежде он не страдал от провалов в памяти, так что ему было вдвойне странно от того факта, что именно этот момент выпал из его головы. В конце концов, именно в подвале должна находиться котельная — отопительное сердце самого дома. Так что не хотелось бы выламывать двери, создавая себе лишнюю работу, которой и без этого было хоть отбавляй. Однако, где бы он ни искал, все подсказывало ему, что ключи безнадежно утеряны и под конец поиска он надежно (отбросив вероятность самого беспамятства) в это уверовал.

Вернувшись в дом, он столкнулся с женой, которая, своим появлением, почти его напугала.

— Когда-нибудь ты меня точно доведешь до инфаркта, — сказал он.

— Единственное, что сможет довести тебя до инфаркта — это ты сам. Что ты делал на улице? — Маргарита была одета по-домашнему: теплый голубой халат и старые серые тапочки, которые она упорно отказывалась сменить на новые. Было видно, что она проснулась совсем недавно, успев лишь умыться.

— Искал ключи в машине.

— И как успехи?

— Никак. Я их где-то потерял. Или оставил в старой квартире. Без понятия. Их нет.

Марго развернулась и прошла в кухню. Бен молча пошел за ней.

— Что думаешь делать с ними? — спросила она, зажигая под чайником огонь. — Надеюсь, ты еще не сильно голоден, а то я решила ограничиться только кофе.

— Нет. Не сильно. Я бы тоже не отказался от него. А по поводу дверей... Даже не знаю. Попробую вскрыть подручными средствами. Ну а если нет — выход только один. Придется ломать, — Бен тяжело сел за обеденный стол.

— Дверь в подвал... — Маргарита не закончила, осекшись.

— Странная? — закончил за неё Бен.

Чайник начал тихонько присвистывать, постепенно набирая обороты. Маргарита выключила газ и разлила кипяток в две заранее приготовленные кружки.

— Мягко выражаясь, — она поставила перед ним исторгающий пар черный кофе и села напротив.

— Да, да. Я понял. Дверь, скрывающая тёмные тайны тысячелетнего особняка, — открытый сарказм, разбавленный шутивым тоном.

— Все может быть, — Маргарита проигнорировала все интонации в голосе мужа, помещивая кофе ложечкой без единого стука.

— Это просто подвальное помещение. Такое же, как и в любом другом доме, в любом другом городе. И никаких тайн она не скрывает, хоть и выглядит довольно... незаметно, — осторожно отхлебнув кипяток, Бен поставил кружку на стол.

Горячий кофе постепенно остывал и убывал, пока не иссяк окончательно. Оставив тему с запертыми дверьми, супруги разговаривали о разных бытовых мелочах. Где и как что переставить, переделать и исправить. Делили меж собой свободные комнаты, представляя в уме, каким образом оборудуют собственные кабинеты. Строили скромные планы на ближайшее будущее. До тех пор, пока не случилось нечто.

Внезапный глухой удар, донесшийся из-под их собственных ног, заставил обоих подпрыгнуть от неожиданности. Словно туча разразилась раскатом грома прямо над головой спящего посреди чистого поля человека. Оба молча посмотрели друг на друга. Тишина опустилась на встревоженный дом. Густая и плотная, в которой почти были слышны стук двух сердец, беспорядочный, не попадающий в такт. Оба прислушивались, замерев на месте, пытаясь унять своё участившееся дыхание и сердцебиение.

— Что это было? — прошептала Маргарита так тихо, как только могла, но слова прозвучали, как показалось обоим, невероятно громко.

— Откуда мне знать? Я все время сидел здесь с тобой, если ты вдруг не заметила, — Бен так же бессознательно перешел на шепот. — Может все-таки упала одна из коробок. Ты же сама видела, какие хреновы башни возвели грузчики везде, где только можно.

— А ничего, что звук прилетел из подвала? Что-то я не припомню, чтобы вчера кто-либо спускал туда наши вещи, — Маргарита шипела, равномерно повышая голос.

— Проверим?

Женщина еле заметно утвердительно кивнула, и Бен поднялся со стула. Пальцы несколько раз нервно сжались в кулак. Спокойным, размеренным шагом, который дался ему с трудом, он подошел к запертой двери и осторожно приложился к ней ухом. И тут же отпрянул от неё.

— Что там? — Маргарита, стоявшая по правую руку от мужа, сделала шаг назад.

— Ничего, просто... Она ледяная, — Бен посмотрел на жену глазами, в которых уже был не страх, а удивление.

Он положил руку на дверь. Маргарита подошла и сделала то же самое.

— Чувствуешь?

— А это нормально? В смысле, может быть так и должно быть? Это же подвал.

— Вот именно. Это подвал, а не морозильная камера.

Нагрев собственной рукой небольшой участок, он приложился к нему ухом, вслушиваясь в закрытое пространство. Через минуту, оторвавшись от двери, Бен посмотрел на ожидающую рядом жену и улыбнулся.

— Тишина.

— Тогда что это было?

— Без понятия, — Бен пожал плечами. — Но есть решение, к которому я только что пришел. Все, что мне сейчас нужно — это десять-пятнадцать минут на подготовку.

— Будешь ломать дверь?

— А что еще остаётся? — Бен внимательно осмотрел едва выделяющуюся из стены дверь. — Странно, что не видно петель. Обычно все двери открываются наружу, — пробурчал он.

— Наверное, так только в обыкновенных домах. Но у нас же он не самый обычный, правда?

— Сделаем вид, что я этого не слышал. Хотя шутку оценил. Это ведь была она? — Бен посмотрел на жену с театральной, наигранной улыбкой.

— Думаешь, у тебя получится её выломать? — проигнорировала вопрос мужа Маргарита.

— Понятия не имею. Никогда не занимался подобным. Говорят, это не так уж и сложно.

— И кто же так говорит?

Бен пожал плечами.

— Мои мысли.

Багажник был нагружен плотно, так что на поиск нужного инструмента ушло гораздо больше времени, чем предполагал Бен. Зимняя резина, лишившаяся своего места в гараже, который был продан со всем его содержимым, полетела наружу, вместе с остатками самого необходимого, по мнению Бена. Как и всё когда-либо искомое, небольшой лом оказался в самом низу инструментального завала.

Маргарита стояла возле входной двери.

— Нашел?

Бен молча показал ей лом, не останавливаясь ни на секунду.

Приложив руку к поверхности двери, он вновь почувствовал ледяной холод. Зазор между стеной и сокрытой в ней дверью все-таки был и был минимальным, так что его еле хватило для того, чтобы язык лома скользнул внутрь. Решив попытаться открыть дверь внутрь, Бен, навалившись на рычаг, резко толкнул его вперед. Язык выскользнул из крохотного углубления, бросив Бена на дверь.

— Осторожнее! — едва ли не закричала Марго, стоявшая позади мужа. — Прошу тебя, будь аккуратнее. Иначе в следующий раз дверь распахнется и ты полетишь вниз.

— Да знаю, — буркнул Бен, в голове которого подобная картинка промелькнула мгновением раньше слов жены.

— Может стоит выбить её ногой? — предложила Маргарита.

— Думаешь это так просто? — Бен обернулся к жене. — Мне уже не двадцать лет, чтобы проделывать подобные фокусы. Не хотелось бы проснуться на следующий день и почувствовать боль в ноге только потому, что какая-то несчастная дверь оказалась сильнее моей кости. Так

что, за неимением других вариантов, этот — самый лучший. Ведь, как сказал Архимед: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир!».

— А про рычаг он ничего не говорил?

— Может и говорил, но я этого не помню. Давно это было... — Бен повернулся к двери и вновь просунул лепесток лома в зазор.

Вторая попытка так же не увенчалась успехом, но хотя бы в этот раз все обошлось аккуратнее и без комментариев жены. Лишь с третьей послышался слабый треск. С каждым новым подходом, дверь поддавалась все больше и больше, пока тихий скрип не лопнул, извергая на пол металлические детали сломанного замка, большая часть которых полетела вниз по лестнице, разгоняя подвальную тишину звоном.

Не выпуская из рук инструмент, благодаря которому Бен смог открыть дверь, он заглянул в открывшийся проём, почувствовав кожей лица прохладный, застоявшийся воздух подвального помещения.

«*Не ледяной*», — машинально подумал Бен, но тут же забыл об этом и протянул свободную правую руку навстречу тьме, плотной и почти осязаемой, с которой не справлялся даже проникший слабый свет.

Пройдясь ладонью по шершавой поверхности стены, он нашел то, что искал и щёлкнул выключателем. Люминесцентные лампы заморгали, словно в нежелании просыпаться от долгого сна, разгоняя скопившийся внизу мрак по углам.

— Повезло.

— Без света я бы туда даже не сунулась, — сказала Маргарита, выглядывающая из-за плеча мужа.

— Боишься наткнуться на могильные плиты? — улыбнулся Бен, но остался без ответа.

Пологая лестница, окаймленная стеной с правой стороны и поручнем с левой, уводила вниз и заканчивалась в центре пустого пространства. Стоя в дверном проёме, Бен и Маргарита не видели внизу ничего, кроме серо-коричневого цвета пустой подвальной комнаты, которая расширялась вне поля их зрения и нескольких колонн, держащих на себе весь дом.

— Ты первый, — сказала Маргарита. — Только осторожно.

— Думаешь там кто-то есть? — рука непроизвольно сжала ломик, который вполне мог сгодиться в качестве оружия.

— Я про ступени. Вдруг они гнилые? Упадешь вниз — сломаешь ноги.

— Ну да. Самое время вспомнить о моем рассказе.

— Каком рассказе? — не поняла Маргарита.

— «Два сломанных центнера». Ты его читала. Может уже пойдём?

— Ты первый, — повторила Маргарита. — Я пойду следом, как только ты спустишься. На всякий случай.

— Как знаешь, — Бен поставил ногу на первую ступень и резко топнул.

— Если будем делать ставки, то я ставлю все деньги на то, что гнилые ступени обычно попадают ближе к середине, — сказала Маргарита.

— Очень смешно. Сейчас сама первая пойдешь.

— Молчу.

Бен переложил ломик из левой руки в правую и ухватился за поручень, сопровождавший ступени. Проверая на прочность каждую из них, его спуск занял почти пять минут. Он слишком хорошо помнил собственный, и к счастью, вымышленный (как и все остальное), рассказ о том, как безымянный одинокий герой, страдающий избыточным весом, вспомнил о гнилых ступенях подвала только в тот миг, когда рухнув вниз, переломал обе ноги, оставшись без единого шанса выбраться наружу. Фантазии, хоть и такие, порой бывают полезны в практической части жизни.

Несколько колонн, расположенных под домом в определенных точках, выглядели обновленными и укрепленными настолько, что были способны держать на себе его еще не одно поколение. Серые стены подвала охватывали это огромное пустующее пространство, в котором не было ничего, кроме большого газового котла, пробуждающегося в первые холода. Выглядел он громоздким и старым, так что Бен мысленно сделал заметку о том, что его работоспособность следует проверить задолго до наступления зимы.

— Спускайся. Тут вполне дружелюбно и безопасно, — позвал он Маргариту.

Его жена спустилась почти так же медленно, как и он сам, проверяя на прочность каждую ступень.

— Но тут же ничего нет, — подвела она итог. — Что это было? Может быть оно?

— Это газовый котел, — Бен подошел к нему, осмотрел со всех сторон, потрогал, — И он крепко стоит там, куда его установили. Как будто это сделали вчера.

— Тогда что...

— Понятия не имею. Может, нам показалось, что звук шел отсюда? Коробки...

— Коробки стоят там, где стояли. И ты сам прекрасно знаешь, откуда шел звук.

— Но тут же ничего нет! Ты же сама это видишь. Здесь совершенно пус..., — Бен осекся.
— Смотри. Вот оно.

Подвал простирался практически под всем домом, что делало его самым большим из тех, которые они когда-либо видели. Несколько колонн стояли по всему периметру, в определённых точках, благодаря которым дом до сих пор не рухнул на этаж ниже. Одна из них и явилась причиной тому, что они не сразу заметили источник громкого звука.

Бен подошел к бетонному блоку, выпавшему из стены самого подвала.

— Мы прямо под кухней, — сказал он, посмотрев на потолок так, словно тот был прозрачный, позволяя видеть сквозь себя всю кухонную утварь.

Блок с остатками крошащегося цемента, будучи частью стены на уровне глаз, скрывал за собой небольшое отверстие, черным глазом смотрящим на людей.

— Крысы?

— Это какие же должны быть крысы, чтобы выдавить из самого центра намертво зацементированный бетонный блок?

— Может стена просто сама по себе разваливается?

— Таким образом она бы точно не стала рушиться. Подожди, — Бен всмотрелся в темноту отверстия. — Кажется там что-то... — он поднял руку и начал просовывать руку в дыру.

— Что ты делаешь?

— Там что-то есть, — ладонь отказывалась втискиваться в узкое отверстие, но кончиками пальцев он смог зацепить то, что увидел.

Бен изворачивался у норы несколько мгновений, которые для Маргариты тянулись слишком долго. Память о далеком детстве, когда взрослая жизнь казалась чем-то нереальным и недостижимым, когда обычные природные явления становились невиданным чудом, а непредсказуемые (и, порой, предсказуемые тоже) поведения животных — ужасом, вернулась к ней с яркой картинкой почти забытого прошлого. Маленькая Маргарита в своём воспоминании была в саду цветущих роз самых разнообразных расцветок и сортов. Её мама особенно любила начинать встречать летний вечер, после изнурительной работы, в гораздо более приятных трудах, копаясь в земле любимого садика. И нередко, её малышка Маргаритка помогала ей в этом. В тех случаях, когда не мешала. У нее была своя грядка, особая. Маленький клочок земли, казавшийся ей в детстве огромным полем, возле самого дома, полный маргариток, который и стал причиной персонального кошмара детства.

В тот злополучный день, её мать показала, как правильно выдергивать свежие побеги сорной травы, которые по природе своей душат цветы и предоставила своей дочери полное право этим заниматься, склонившись над своими розами в нескольких шагах от неё. Малень-

кая, шести лет от роду, готовящаяся на будущий год пойти в школу и чувствуя себя при этом достаточно взрослой, Маргарита приступила к работе, со всем терпением и осторожностью, какие только были в её ограниченном запасе. Все дальше и дальше уходили её ручки, неумело выдергивающие траву и оставляющие корни в земле, пока не дошли до конца грядки, упирающейся в дом. Раздвинув последние цветы, прижимавшиеся к стене, Маргарита увидела в ней небольшую дыру. Нагнувшись еще сильнее, она попыталась заглянуть в неё. Детское любопытство всегда брало верх и, раз уж разглядеть в ней ничего не получилось, девочка бесстрашно просунула туда свою руку практически до локтя, представляя, что отыщет там нечто интересное. Но единственное, что она там смогла найти — это укус крысы, защищавшей жилище своего выводка. Глубокий и сильный. Она вцепилась в детскую руку, словно в самого страшного врага, стараясь нанести ему как можно больший вред перед возможной собственной смертью. Девочка завизжала от неожиданности и пронзившей её боли, которая ярким пятном впечаталась в память на долгие годы. И не столько боль была её страшным кошмаром, сколько последующее после укуса лечение. Крыса оставила не только дырки от зубов на руке маленькой девочки. Она оставила дурные воспоминания о нескольких весьма болезненных уколах в живот и о бесконечном количестве больших и горьких таблеток.

Маргарита вздрогнула от воспоминаний и открыла было рот, чтобы остановить своего мужа, но в это мгновение Бен сам достал руку. На пол что-то упало и зазвенело, отпрыгивая и перекатываясь. Бен нагнулся, взял находку чистой рукой и показал Маргарите.

— Это монета. Смотри. Там, в этой чёртовой норе, была монета!

Глава 2

1

Будильник на телефоне загремел ровно в семь утра и ни минутой позже. Как и всегда. Приятная мелодия, подобранная специально для того, чтобы начало нового дня не сразу показалось таким отвратительным, сегодня не справилась со своей задачей. И дело не в том, что какой бы прекрасной ни была песня, но если она установлена на будильнике, от которого ты просыпаешься ежедневно (совершенно не высыпаясь), то вскоре ты начинаешь её ненавидеть. Сегодня причина была другая. А именно — ужасная боль в затылочной части головы. Раздирающая, пульсирующая, горячая.

Катрина медленно и мучительно протянула руку и провела пальцем по экрану вслепую. Мимо. Вторая попытка увенчалась успехом только потому, что на этот раз она заставила глаза раскрыться, а голову оторваться от подушки. Мелодия заглохла, а голова вновь бессильно упала обратно. И взорвалась болью. Девушка тихо застонала. Весь день был расписан практически поминутно, но головная боль ясно давала понять, что планам не суждено было сбыться. По крайней мере, не всем.

Через несколько минут она заставила себя встать. Медленно и осторожно, не давая лишнего повода для фейерверка, притаившегося в мозгу. Не став умываться, Катрина прошла на кухню и включила электрический чайник, воды в котором едва хватило бы на полную кружку. Девушка не надеялась, что утренний кофе сможет её взбодрить. Она надеялась лишь на обезболивающие таблетки, притулившиеся в углу стола кухни. Они всегда лежали под рукой, готовые прийти на помощь в любой момент. Нужно лишь было выпить одну из них не на голодный желудок. А кофе и печенье хотя бы немного утолят голод пробуждения.

Покончив с таблеткой, Катрина прошла в гостиную и опустилась на диван. Окинув комнату взглядом, полным боли страдания, она легла и съежилась в плотный комок, словно кошка, и закрыла глаза. Она не надеялась уснуть, но сознание проявило толику жалости к ней и через несколько минут отключилось, позволив ей вернуться в мир сновидений.

2

Луч солнца, проделывая большой, нелегкий путь, все-таки смог добиться своего и добрался до закрытых глаз лежащей на диване девушки. Стараясь пробиться сквозь тонкую кожу век, он щекотал спящие глаза, пока не заставил их пошевелиться. Затем в движение пришла рука, защищая уязвимое место от света. Реальность вернулась, рассеивая остатки сна. Катрина открыла глаза. Голова была тяжелой, но боль ушла.

Она села. Электронные часы в нише тумбы, стоящей напротив дивана, показывали половину второго. А это могло означать лишь то, что большей части запланированного на сегодняшний выходной уже не суждено было сбыться. Но успеть хоть что-нибудь — вполне возможно. Самое важное из пропущенного — тренировка. Катрина старалась поддерживать свое тело в практически идеальной форме. Но не сегодня.

Головная тяжесть сошла на нет и привычный утренний ритуал умывания, сдвинувшийся во времени, занял своё место. Пробуждение без боли заставило день заиграть обыденными красками. «Сонная» одежда — футболка, на три размера больше, под которой не было совершенно ничего, — мерно колыхалась на её теле при любых передвижениях. Катрина не спешила переодеваться, решив для начала закончить с утренним туалетом и чаепитием. По всем правилам, уже пора было обедать, но наполненный чайник не сопротивлялся, подогревая воду.

Чайный пакетик упал на дно кружки. Ложка сахара, кипяток и половина холодной воды. Катрина не любила пить горячий чай, даже если по всем правилам так полагалось. Каждый делает то, что считает нужным, и чаепитие не исключение. Усевшись за стол, она медленно, не задевая ложечкой стенки кружки, размешала сахар, приподняла кружку к губам и вздрогнула.

Установленный в квартире видеодомофон затрещивал именно в тот момент, когда от него этого ждали меньше всего.

— Боже, только не это, — со вздохом она поставила кружку на стол и встала, направляясь к двери.

Нажав кнопку, Катрина посмотрела в монитор.

— Черт!

В дверь постучали. Человек, стоящий снаружи, выглядел не слишком терпеливо, переминаясь с ноги на ногу и поочередно заламывая себе руки. Словно он был под воздействием лёгких, но не менее запрещённых веществ.

— Что тебе надо? — наконец нажала она кнопку ответа.

— Поговорить, — парень зацепился взглядом за глазок камеры.

— Мы уже обо всем поговорили.

— Открой дверь, пожа...

— Не открою, можешь даже не распинаться. Уходи. И дорогу сюда забудь. Мы все решили. Я все решила. И обсуждению это не подлежит!

«*Лишь бы соседи не услышали*», — подумала она и еще раз нажала кнопку.

Изображение погасло. В дверь тут же заколотили вновь.

— Опять сунул на лапу этому седому мастеру кроссвордов, сидящему у дверей. Пора бы уже на него и жалобу написать, — вздохнула девушка.

Стук в дверь не прекращался. Она вновь нажала кнопку.

— Хочешь, чтобы соседи вызвали полицию — давай, продолжай в том же духе. Или это сделать мне? Вдруг они еще не услышали твои скорбные речи и мольбы.

— Просто открой дверь, — медленно, почти с угрозой в голосе проговорило изображение на экране.

— Чтобы ты убил меня? Нет, спасибо.

— Открой эту сраную дверь! Ты слышишь меня? Отрывай сейчас же. У меня есть к тебе разговор, — откровенный истеричный крик уже вылезал наружу.

— Да пошел ты на хер, — Катрина нажала кнопку, зная, что только усугубила ситуацию.

Дверь заходила ходуном. Даже несмотря на её толщину и шумоподавление — девушка слышала каждое гневное слово, направленное на неё, на дверь, на дом и на всё вокруг. Антон, как звали парня по ту сторону баррикады, будто и не собирался останавливаться в своём действии. Нет сомнений, что соседи уже давно все услышали и, скорее всего, составили о своей соседке неблагоприятное мнение (хотя и изначально оно было не таким уж радужным и дружелюбным). Правда, девушке было на это, мягко говоря, наплевать. Она знала, на что шла, приняв в этой жизни всего одно решение.

Антон, бывший её парень и, к счастью, несостоявшийся муж, был выставлен за дверь и выкинут из сердца вон ровно в тот миг, когда все тайные его дела вскрылись в одночасье. Как снежный ком они вывалились на Катрину, благодаря которому у неё не осталось ни малейших сомнений в правильности своих действий. Антон видел в ней лишь товар, за счет которого можно жить в своё удовольствие, не ограничивая себя таким устаревшим, по его мнению, словом, как «верность». Именно в тот день, когда вся правда явилась на свет, он избил её. И с тех самых пор периодически навещал её закрытую дверь, пытаясь помириться своим странным, извращённым способом, считая, что без него у Катрины ничего не получится и жизнь её закончится с окончательным его уходом.

Бесконечная барабанная дробь прекратилась. Катрина нажала кнопку, включая экран. Антон стоял в безмолвии перед дверью, словно пытаясь открыть её взглядом. Затем резко развернулся и вышел за пределы обзора камеры. Монитор потух, девушка выдохнула и прижалась спиной к стене. Уже третий месяц он не даёт ей прохода и складывалось впечатление, что его пыл не скоро угаснет.

Неделю назад он подкараулил её на улице в разгар летнего дня и пытался поговорить с ней, не скрывая своей злости и раздражения. Даже прохожие его не смущали, которых, впрочем, не трогало это локальное событие, идущее вразрез с их личными делами. В любом большом городе, подавляющее большинство пройдет мимо умирающего на улице, не обратив внимания на него, а то и вовсе переступив через лежащее тело. Инстинкт самосохранения развился в нечто более сложное — равнодушие. Пока ты проявляешь равнодушие и сторонись всего, что выпадает из привычного уклада жизни — ты в целостности и сохранности. Пока не становишься тем самым, кто остро нуждается в помощи неизвестного, постороннего и пусть даже не приятного на вид для тебя человека. А все проходят мимо, не глядя в твою сторону.

Антон в тот день схватил её за руку так, что след от его хватки красовался на запястье несколько последующих часов. Тогда от него удалось избавиться с помощью слов, но Катрина опасалась, что однажды и слов может не хватить, ведь даже в огромном городе равнодушных людей, иногда наступает темнота и всё вокруг окутывает сон.

— Ничего он не сделает, — прошептала она, но сама не знала, стоит ли верить собственным словам.

Чай давно остыл, а остатки аппетита (если это слабое чувство можно так назвать) улетучились бесследно. Но раз уж Катрине предстояло в скором времени покинуть стены своей крепости (попутно объявив выговор консьержу), то следовало как минимум заставить свой желудок принять ту скудную пищу, которую ему предлагали, и поэтому вскоре чайник вновь запыхтел, исторгая клубы пара.

3

На журнальном столике одиноко покоилась книга с красной закладкой, сигнализирующей о том, что история подходит к концу. «Мизгирь» за авторством Бена Камински. Его романы, по мнению Катрины, не изобретали жанр ужасов и триллеров заново, но порой могли привнести в них нечто новое. Не Стивен Кинг или, тем более, Лавкрафт, но свою нишу занял прочно.

— Выходит новая книга. Я могу прислать тебе экземпляр, как только нам передадут копии, если хочешь. Все равно нам присылают как минимум дюжину книг и с каждым годом раздаривать их становится все сложнее.

— Не надо, спасибо. Ты же знаешь, как я люблю книжные магазины. Думаю, что куплю её именно там.

— Девочка моя, мне совсем не трудно. А в магазине купи лучше что-нибудь другое для разнообразия. Могу даже посоветовать тебе нескольких весьма неплохих книг, которые проходили через мои руки.

Катрина сдалась спустя лишь несколько минут уговоров матери и с нескрываемым нетерпением ожидала свою посылку.

Разговор с матерью состоялся более месяца назад. Перед тем как они планировали переезд в новый дом. Бен и Маргарита Камински — родители Катрины, покинувшей отчий дом несколько лет назад. Покинувшей со скандалом.

В те, уже слишком далекие, как казалось, времена (хоть и прошло без малого четыре года), перед Катриной встал вопрос ребром. Чему посвятить себя в этой жизни? Всем хотелось иметь на своем счету несколько миллионов, прилагая к этому минимум усилий, но по примеру собственных родителей, она знала одну простую истину, которая гласила: «Хочешь много денег — много и тяжело работай». Конечно, при условии, если тяжелая работа не будет выполняться на абстрактного босса за фиксированную плату. Казалось бы, какие препятствия могут возникнуть у красивой дочери вполне обеспеченных и творческих родителей? Перед ней открывалось множество дверей в мир литературы (однажды Катрина даже помогала отцу в написании очередного романа, благодаря чему попала в соавторство мелким шрифтом, ниже крупных букв имени своего отца, на обложке). Но все решила одна-единственная фраза, которую она прочитала на страницах нового романа отца (на тот момент еще не опубликованного): «Какой смертный не любит эротику?»

Этот риторический вопрос крепко закрепился в голове девушки. Поначалу он вызывал некое отторжение, но сама идея, как паразит, медленно и уверенно росла в организме и крепла. Все чаще и чаще с того момента она подходила к зеркалу, пока однажды не скинула всю одежду, встав перед ним и задав себе один вопрос: «Будут ли люди платить, чтобы видеть моё обнаженное тело?».

С Антоном она познакомилась за неделю до того, как отец вынес свою рукопись на суд своих родных, как это было принято у них. И пока та самая цитата нашлась и закреплялась в её голове, они сблизилась достаточно для того, чтобы предложить ему такую немыслимую и глупую идею, на которую он согласился, к удивлению Катрины, не раздумывая.

Конечно, он был не первый для нее в сексуальном плане, но первый на видео. Катрина знала, на какой риск идет. Осознавала все последствия этого выбора. И понимала все его сложности, внимательно и досконально изучив законодательную базу. Её идея строилась на том, что Антон — её единственный партнер, лица которого не видно на всем протяжении их совместного мини-фильма. В конце концов мужчины платят не за то, чтобы лицезреть лицо другого мужчины. В главной роли — она.

Итак, просмотрев огромное количество роликов (большинство — на перемотке), Катрина единолично написала некое подобие сценария для первого видео. Глупый, наивный, без нужного обладания актерским талантом. Как и все, что в основном делается в этой сфере. И дело закрутилось так быстро, что она сама не ожидала такого размаха. Только за несколько недель пребывания в другой стране, где подобная деятельность не была под молчаливым запретом, им удалось отснять десять получасовых роликов, половина из которых уже начала приносить стабильную прибыль спустя несколько дней после их публикации. И такую, о которой Катрина на первых порах не могла и помыслить. Все, что они заработали, делили семьдесят на тридцать в пользу девушки, после многочисленных споров на этот счет. Именно в тот момент Антон впервые показал свой истинный характер, но Катрина не обратила на это особого внимания, списав все на некие призрачные обстоятельства, которые сама же старалась выдумать на ходу, оправдывая своего мужчину. Она любила его и могла простить ему слишком многое, чем он того заслуживал. По крайней мере — на тот момент, когда пелена очарования в смеси с диким риском, еще кипела в её сердце.

Маргарита узнала о занятии своей дочери от неё самой. В один из солнечных зимних дней, когда мороз сковывал движения прохожих, Катрина зашла в кабинет к матери и честно рассказала все в самых общих чертах, опуская лишние и ненужные подробности. Она понятия не имела, какую реакцию вызовет эта новость, но пусть лучше это расскажет она сама, чем кто-либо другой. Вполне вероятно, что уже кто-то из знакомых родителей (коих было хоть отбавляй, вопреки словам Марго) уже узнал их дочь, просто пока не мог найти объяснение тому, каким ветром его занесло на сайты с порнографией.

— *Я случайно увидел вашу дочь на одном из порносайтов.*

— *Порносайтов? Ты смотришь порно?*

Насколько бы прогрессивным ни было общество; сколько бы запретов ни исчезало ежедневно, как утренний туман с водяной глади; сколько бы ни въедалась фраза «Какой смертный не любит эротику?» в головы согласно кивающих людей — факт его просмотра будет порицаться большинством (даже теми, кто долгими одиночными ночами, выбирает самую непотребную категорию, обильно поливая руку смазкой или доставая из прикроватной тумбочки резиновый член).

Маргарита перенесла такую новость стоически, не впадая в истерики, не переходя на крик, но придя в безмолвный ужас от представления реакции собственного мужа, который, к счастью, пока оставался в неведении. А что она должна была сделать с двадцатидвухлетней дочерью, которая благодаря этому занятию уже обладала суммой с шестью нулями на своем счету? Посадить её под домашний арест? Пригрозить рукоприкладством? Записать на курсы реабилитации, как наркомана или алкоголика? Ей пришлось лишь, скрипя зубами, смириться с выбором, не препятствуя ни словом, ни делом, лишь обещав, что будет держать рот на замке. Конечно, не каждый день можно услышать, что твоя дочь попадает в порнобизнес, но какой выбор у родителя?

Спустя лишь несколько месяцев после разговора с матерью, Катрина, уверившись в собственных силах и полной финансовой независимости, решила рассказать все своему отцу. Бен до сих пор ничего не знал, что уже становилось удивительным, но все понимали, что дальше так продолжаться не могло. Девушка решила покинуть родителей, заранее приобретя квартиру в культурной столице страны за весьма кругленькую сумму. Благо, она сделала это без помощи Антона, который никак не участвовал в этом предприятии.

Сжимая ключи собственного жилья в кармане, несомненно придающими ей уверенности, стоя перед отцом, она произнесла самую короткую фразу, которая способна вызвать самую продолжительную бурю:

— Я порноактриса.

В отличие от собственной жены, у Бена появился выбор, состоящий всего из двух пунктов: поддержать дочь, либо отказаться от неё. И без тени сомнения, он выбрал второй вариант, сопровождаемый отборной руганью. Катрина закрывала двери под нескончаемый поток брани, и на секунду ей показалось, что запереть дверь как полагается ей не удастся, что слова, подобно тайфуну, просто так не запереть куском дерева и железа в пределы квартиры. Но ей удалось. На этот раз все получилось.

В тот день она видела и слышала собственного отца в последний раз. Теперь она могла лишь видеть его одно и то же фото на обложках книг, старых фотографиях (пару собственных альбомов девушка забрала вместе с остальными своими вещами) и на новых, редко присылаемых матерью, связи с которой она не теряла.

По стечению обстоятельств или по другой, неизвестной Катрине причине, после ухода со скандалом, в интернете и некоторых изданиях желтой прессы начали всплывать истории о писателе и его дочери порноактрисе. И чаще всего упоминали именно ту книгу, в которой Катрина указана соавтором (что побудило некоторые издательства выкатить новый тираж, ведь черный пиар — тоже пиар, к тому же бесплатный). Девушка прочитала некоторые из статей, пропитанные ложью до такой степени, что в одной из них она оказалась не актрисой взрослого кино, а проституткой (хотя по мнению её отца, это то же самое), а в другой — что её отец самолично вывел её на чистую воду, лишь благодаря тому, что любил посещать сайты «фильмов для взрослых» и в конце концов увидел свою дочь в списках лучших актрис. Отвечать на нападки подобного вранья — делать себе хуже, так что все оставили эту историю на волю потокам информации, включая и самого Бена. И в итоге, ничем не подогреваемая новость вскоре всем опостылела и затерялась на задворках других сомнительных сенсаций.

Антон, живший в то время с Катриной в её новой квартире, радовался жизни и посмеивался над происходящим в средствах «жёлтой» массовой информации. Вся эта ситуация никоим образом не касалась его личного пространства. Более того, не было даже заметно его сопереживания той, которую, как он сам выражался, «любит всем телом и душой». Тело — на первом месте. Все остальное — на втором. В какой-то момент поток финансов, плоды их «трудов», слились в один поток, отчего улыбка на его лице только ширилась, а запросы росли. Редко его можно было застать дома, как Катрину, любившую тихие вечера, обилие книг, фильмов и изредка видеоигры. Конечно, девушка и сама могла отправиться в дорогие ночные клубы, возле которых люди часами готовы были простоять в очереди, надеясь, что на них снизойдет свет Божий и красный, преграждающий путь, канат, упадет наземь. Либо могла пройтись по хорошим магазинам одежды, ресторанам, СПА и всем остальным подобным заведениям, практически навязанным девушкам (тем более с широким потенциалом финансов) стереотипами. Но это было редкое явление, за исключением тренажерного зала, который исправно посещался раз в два дня, за исключением подобных дней, как сегодня. Недостатка в знакомых и подругах она также не испытывала, хоть и общалась львиную долю своего времени с одной, лучшей и, по сути своей, единственной. У Катрины просто отсутствовало само желание жить так, как её парень, финансовые дела с которым шли хорошо, а личные приближались к свадьбе (Антон сделал ей предложение в те дни, когда не было ни единого намека на холод и пропасть между ними). Как две несовместимые стихии, Лед и Пламя, Ветер и Вода, жили они вдвоем, заключенные каждый в собственном мире и заботах.

Найти отправную точку, которая привела к краху их совместной жизни не так уж и сложно. День за днём мелкие детали скапливались, росли в большой ком, груз, тяготивший Катрину. Лёгкие подозрения, тени недоверия, практически полное отсутствие внимания тихонько тыкали своими острыми иголками прямо в сердце. Начинало казаться, что съёмки — реальнее самой жизни. В них была нежность, жёсткость, разнообразие, а как только красная лампочка записи потухала, душ смывал жидкости экранной «любви» с тела девушки, возвращались равнодушные, холод и безразличие. Секс, не снятый на камеру, теплый, ламповый,

как старая музыка с пластинки, в полной или частичной тьме, сошёл на нет, а любая причина отказа Антона висела над постелью чёрной тенью, проводя чёткую грань между двумя спящими телами.

За два месяца до свадьбы, Катрина получила по почте пухлый конверт, на котором не значился отправитель. *«Только для твоих глаз»* — гласили слова, аккуратно выведенные в углу белоснежного конверта. Лишь единицы знали её адрес и еще меньше — присылали письма. В век цифровых технологий, слишком мало людей пользуется таким способом отправки. В тот день Катрина, как, впрочем, и в любой другой, была одна. Антон ушел с утра «по делам» (по его словам у него есть некий бизнес-план, который он весьма успешно прорабатывает). И, как правило, дела его всегда задерживали допоздна, а иногда не отпускали всю ночь.

Девушка уселась на диван и слегка встряхнула конверт, в котором легко уместится распечатанная копия «Войны и мир» Толстого. «Книга», — подумала она, вскрывая его руками. Слишком плотный материал упаковки держался достойно похвалы, тщательно скрывая свои секреты. Катрина удвоила усилия, слегка не рассчитав. Конверт лопнул и наружу, как конфетти из хлопушки, посыпались фотографии. Множество фотографий. И черно-белые, и цветные, и большие, и маленькие, словно кто-то собирал свою извращенную коллекцию... поз Камасутры?

Легкий шок, скорее от неловкости и неожиданности, сменился страхом, затем болью, после — отрицанием. На всех фото было одно и то же действующее лицо — Антон. Её парень, который был запечатлен с другими в разных ракурсах и разнообразных немыслимых позах. Онемевшими, негнувшимися пальцами, Катрина передвигала фотографии на полу и диване, не пытаясь собрать их в одну пачку. Весь его «бизнес-план» был наглядно отражен на каждой из них во всех подробностях. Несмотря на размытость некоторых фотографий, львиная доля которых была сделана скрытой камерой или, будто бы, в спешке, везде чётко и ясно было видно его лицо в первую очередь. Во вторую — то, чем он занимался.

А ведь ты все знала с самого начала.

Калейдоскоп чувств взрывался при взгляде на каждое последующее фото. Казалось, они никогда не закончатся, как в кошмарном сне, и смотреть на все это ей суждено до самого конца. И лишь хлынувшие из глаз слезы избавили её от продолжения.

Было ли это совпадением или нет, но в тот день Антон вернулся домой именно тогда, когда его меньше всего ждали. Вернулся и застыл, глядя на фотографии, разбросанные по всей комнате, словно лепестки цветов. Как каменное изваяние Катрина до сих пор сидела на диване, практически не замечая его — так сильно содержимое конверта действовало на неё. Антон наклонился и подобрал несколько карточек. Он узнал себя в номере люкс четырехзвездочного отеля, который обошелся ему чуть дешевле, чем раздетая эскортница, чьи прелести были хорошо видны в кадре. На другой он был на собственной съемной квартире, о которой Катрина ничего не знала, в окружении пяти студенток, две из которых жили там за его счет и ублажали его в любое время по первой прихоти. Не замечая своих действий, он медленно мотал головой. Мысли крутились вокруг одного — кто сделал все эти фотографии?

— Это ведь не подделка, да? — Катрина вышла из ступора и смотрела на Антона.

— Ты... — слова застряли комом в горле.

— Это и есть реализация твоих потенциально успешных идей? Это твоя жизнь?

— Ты следила. Ты все это время следила за мной? — Антон оторвал взгляд от компромата и посмотрел на Катрину.

Красные глаза — как сигнализатор вспыхнувшей ярости, как состояние аффекта, как снятие ответственности за последующие действия.

— Следила? Я понятия не имею, откуда все это! Думаешь, я бы стала коллекционировать всю эту... мерзость?! Мне бы вполне хватило и одной!

Как буря, внезапно явившаяся из-за горизонта, Антон налетел на неё, сметая все на своем пути...

Катрина вздрогнула, пытаясь избавиться от нахлынувших воспоминаний при взгляде на одинокую книгу. Удивительно, как одна вещь может выудить из памяти то, что совершенно с ней не связано. Она посмотрела на часы. Еще немного, и с делами можно было распрощаться.

Вздохнув, девушка начала собираться.

4

— Сколько он вам заплатил?

— В каком смысле?

— В самом прямом! Сколько он дал вам на лапу? Это стоит того, чтобы в конце смены подниматься на мой этаж и начинать обход соседей с извинениями за разразившийся у них на площадке скандал? Который, надо полагать, произошел только по вашей вине!

Консьерж, мужчина почтенного возраста, с ухоженной седой бородой и волосами, с морщинами, покрывшими все его лицо, держался так, будто впервые слышит, о чём ему тут толкует сумасшедшая квартирантка. Глядя на него, Катрина испытывала весь спектр чувств в диапазоне от злости до сожаления. Принеси ей бланк оформления жалобы час назад — она не задумываясь бы заполнила его и передала в управляющую компанию, но глядя на него сейчас — маятник качнулся совершенно в другую сторону. Да, его первоочередная обязанность — стать первым барьером, ограждающим жильцов дома от нежеланных гостей. С другой стороны — с его зарплатой и пенсией, вполне можно было понять желание подзаработать на стороне от человека, который когда-то здесь жил довольно долгое время. Тем не менее, для Катрины, это был скорее вопрос принципа.

— Простите, но я ничего не понимаю, — решительно обрезал мужчина и, как бы подводя итог, срезал ладонью воздух.

Он находился в маленькой стеклянной будке, сидя за пультом, управляющим шлагбаумом на проходной, а иногда, в случае такой необходимости, и уличными воротами на парковке.

— Парень. Молодой. Чуть больше получаса назад, — со всем терпением выговорила девушка.

— Нет. Никого не было, извините.

Она вздохнула.

— Так вот придут тебя убивать, а его впустят и улыбнутся вдогонку. Да какого черта я с вами разговариваю? Еще раз говорю — если придет некто, о ком вы мне не сообщите с вежливым вопросом, о том, следует ли его впускать или нет, — и вы выпустите его без моего ведома, то уж извините. К вам я больше не подойду. Думаю, отыскать ваше начальство не составит труда.

— Ваше право.

— Мое!

«Только попробуй скажи еще хоть что-нибудь», — подумала Катрина, но мужчина промолчал.

Он определенно знал о том, как и чем она зарабатывает. Катрина видела в его глазах усмешку и его мнимое превосходство над ней. Внутренняя стрелка вновь качнулась в сторону ярости. Составить жалобу прямо сейчас уже не показалось ей такой уж плохой идеей.

Только сейчас до девушки дошел звук, доносившийся из-за двери, через которую можно было попасть в эту будку. Она вела в комнату, возможно раздевалку или другое подсобное помещение для консьержей. Звук этот напоминал... Она прислушалась. Мяуканье кошки! Жалобное, словно животное долгое время находилось в неволе. Мужчина же стоял, очевидно, в ожидании того, когда она уйдет, никак не подавая виду о том, что слышит за своей спиной.

Катрина решила не задерживаться. В этот раз. Толку от разговора с ним было мало, и всё, что она хотела донести до человека, не выполняющего свои функции, она так или иначе сделала.

— И выпустите, наконец, кота или кошку, или кто там у вас, — бросила она перед тем как выйти за дверь.

Мужчина молча проводил её взглядом. Лишь после того, как Катрина скрылась из виду, он вновь уселся на продавленный стул, взял ручку и приник к наполовину заполненной сетке кроссворда, раскрытой на столе.

— И платят же этим шлюхам такие деньги, чтобы они могли покупать здесь квартиры. Строит из себя еще неизвестно кого! Видимо, мозги совсем стрясли. Пустим и еще раз, если нужно. Он хотя бы не изображает из себя местного царька... Отыскать ваше начальство. Ха! Ну пусть попробует... Еще кошку какую-то выпустить просит. Совсем поехала. Какая к черту кошка?

5

В книжном магазине, как и всегда, царило умиротворение и спокойствие. Внутри невероятно просторного и вместе с тем тесного от большого количества стеллажей помещения, несколько человек занимали столики вдоль огромных окон, медленно потягивая свой кофе и пролистывая книгу, предназначенную для просмотра и ознакомления. Катрина всегда отказывалась от холодных белых стен сетевых магазинов в пользу по-домашнему уютных книжных, предлагающих не только истории, но и хороший крепкий кофе, дабы заострить собственное внимание и пробудить разум. В её голове существовала настоящая карта из подобных заведений и, словно подчиняясь некоей внутренней интуиции, при желании, она могла найти такое в любой части города, не прибегая к помощи интернета.

Стараясь не выдавать собственного присутствия, девушка бесшумно скользила между рядами, бегло просматривая корешки разноцветья, ища определенный жанр. «Фэнтези», «Мистика» и «Ужасы» занимали, казалось, большую часть всего помещения. Даже «Классика» выглядела на их фоне не так колоритно, как позиционировалась. Что, впрочем, вполне понятно. Большинство писателей по сути своей старались уйти от реальности в вымышленные миры, вскрывая всевозможные страхи человека, самые сокровенные фантазии и глубокие, потаённые желания. Мало кто хотел добавлять «драмы», пусть и вымышленной, в и без того драматическую жизнь настоящего времени. А коли автор, закрепив за собой статус писателя «мистики» или «триллера», все-таки решался создать настоящую «драму» без единого намека на ужасы, то участь этой книги — стоять рядом со своими предшественниками. Так что в этом смысле — разделение на категории — не самый удачный вариант.

Произведения Бена Камински занимали третью полку снизу. Не слишком плохо, не слишком хорошо. Глаза Катрины внимательно прошлись по названиям, всех до единого знакомых. Даже та самая книга, где она была соавтором, была в наличии в количестве трех экземпляров. Но новой книги не наблюдалось. Катрина не собиралась её покупать, памятуя об обещанной посылке, но взглянуть на неё уже не терпелось. Значит, не добрался еще новый роман до магазинов.

Раз уж Катрина зашла сюда, то не собиралась выходить с пустыми руками. Таков закон любителей книг — зайдя в обитель, недоступную разуму многих, для того, чтобы просто посмотреть, нельзя выйти ни с чем. А так как реализация оставшейся малой части намеченных на сегодняшний день планов была выполнена точно в срок — можно было отдохнуть и не торопиться с выбором. Медленно проходя глазами полку за полкой, она то и дело выуживала один из сотни тысяч кирпичиков и являла свету белоснежные страницы, буквы которых, как змейка, покрывали их сверху донизу.

Лишь через полчаса она выбрала несколько книг и двинулась к кассе. Идя по узкому коридору огромных стеллажей, она чуть было не столкнулась с парнем, который появился на повороте, с твердым намерением попасть именно в этот проход. Книги, скорее от неожиданности, чем от испуга, едва не выскочили у нее из рук, но Катрина сумела их удержать. Как два парохода в узкой протоке, они разошлись под звуки бормотания незнакомца. Возможно, он сказал что-то вроде «Прошу прощения», но поклясться бы в этом Катрина не могла. Она лишь молча кивнула головой, принимая всё, якобы услышанное ей, и подошла к кассе.

За прилавком девушка в очках и с весьма уставшим видом, не торопясь прошла сканером по штрихкодам книг, объявив общую стоимость. Катрина выудила из кармана пластиковую карту и прислонила её к терминалу оплаты. Терминал недовольно запищал. Оплата не прошла.

— Ещё раз, — медленно проговорила девушка, театрально вздохнув. — Сегодня у него появился свой характер и оплата проходит через раз.

Катрина послушно прислонила карту (немного подвигав её в разные стороны, как будто это могло лучше помочь просочиться электронной оплате), но результата это не возымело. Так же, как и на третий раз. Позади Катрины уже стоял тот самый парень, сжимая в руках единственную книгу, и переминался с ноги на ногу, словно ему ужасно хотелось в туалет.

— Может быть оплатите наличными? — предложила девушка, поправив очки.

— Хорошо бы. Проблема только в том, что у меня их нет. Давайте попробуем еще раз.

Не отдавая себе в том отчета, Катрина услышала далекий звук, подумав, что это может быть только кот, страдающий от одиночества. Прислонив карту в четвертый раз, терминал издал именно тот звук, которого все ждали, включая нетерпеливого человека позади.

— Наконец-то! — чуть не победно провозгласила девушка за прилавком и, уже мысленно распрощавшись с Катриной, посмотрела на стоящего позади парня.

Катрина отошла от кассы, сняла рюкзак, с которым никогда не расставалась, и закинула туда книги, которые совершенно не вязались друг с другом. «Штрафбат» Володарского, «История сношений человека с дьяволом» Орлова и «Правила виноделов» Ирвинга. Трудно сказать, что способствовало такому выбору, но, возможно, это был просто зов сердца, заманчивое название, не вызывающая отторжение обложка. На желание взять ту или иную книгу, влияет множество факторов, особенно если с автором ты совершенно не знаком. Так или иначе выбор пал именно на них, невзирая на огромный соблазн взять что-нибудь еще.

Она вышла из магазина, который находился на цокольном этаже огромного торгово-развлекательного центра, и взяла курс домой.

6

Вечер обещал пройти без сюрпризов. Сделав заказ на доставку еды на дом, и уже менее чем через полчаса плотно отужинав (пообещав себе после — усилить тренировки), девушка практически упала на диван, пододвинула поближе к себе журнальный столик и внимательно рассмотрела каждую из покупок, место для которых она определит на книжных полках чуть позже. Раскрывая каждую, она выхватывала отдельные слова и предложения, стараясь, однако, не заглядывать в самый конец. Всего лишь слово, взятое с последней страницы, может рассказать конец истории. А заглядывать в конец истории, не приступая к началу (хотя даже если и приступил) — не самая лучшая идея для человека, который хочет насладиться всеми возможными сюжетными поворотами.

Внимательно изучив каждую из книг, она разложила их в ряд на столике и взяла ту, которая уже до этого там была. Крайний, на момент приобретения, роман своего отца. Зажав пальцем закладку, она позволила книге раскрыться самой, а буквам увести её за собой, в продолжение истории.

«...От ледяного ветра не могли спасти даже густые заросли терновника, разросшегося, казалось бы, еще в прошлом столетии. Он выжидал, не смея потревожить звенящую тишину. Всего одно движение пальцем, и он спугнет его...»

Минуты начинали отчет медленно, но постепенно ускоряли свой шаг до тех пор, пока не стали сменять друг друга, словно секунды. Страница за страницей шуршали, перелистываясь. История оживала, захватывая все внимание, время и разум. Катрина читала, — как и всегда, когда ничто не нарушало её покой, — не считая времени, отпуская его погулять. Глаза бегали по строкам, видя не буквы, но само происходящее в книге.

Солнце неуклонно падало за горизонт, словно воздушный шар, в котором остывал горячий воздух. Тени начинали сгущаться, скрывая пеленой разворачивающееся на страницах книги действие, заставляя до боли напрягать глаза. Но одна тень в комнате — ожила. Она медленно перемещалась из угла в угол, словно искала укрытие. Маленькое тёмное пятно, скользившее по полу в конце концов отвлекло Катрину, заставляя её оторваться от книги.

Девушка заметила «живой» сгусток тьмы практически с самого начала, но разум, слишком погруженный в далекий мир, не сразу просигналил о том, что выхватывает взгляд в реальном мире. До тех пор, пока перемещения живой тени не стали более интенсивными, словно свет маяка на высокой скале, предупреждающий об опасности. Катрина замерла. Взгляд, направленный на страницы, оставался неподвижен. Боковым зрением она следила за тем, что находилось справа. И это пугало. Резко, возможно даже слишком, она повернулась, надеясь застать это нечто врасплох. Но увидела лишь неподвижные и привычные предметы обстановки, за которыми это маленькое привидение никак не могло укрыться. Солнце еще показывало свою макушку из-за линии горизонта и света было достаточно для того, чтобы понять, что в комнате никого нет.

Но оно было!

Обман зрения, не более.

Который беспрепятственно передвигался, словно...

Кто?

Раздался стук в дверь, от которого Катрина вскрикнула. Она глянула на часы в тот момент, когда 21:59 сменились 22:00. Катрина читала почти два часа, не замечая ничего, как это обычно и бывало. Стук повторился, пройдя по коже девушки легкой дрожью. Катрина испугалась, но чего именно? Незваного гостя, не умеющего пользоваться домофоном? Тени, выскочившей из книги (откуда же ей еще было взяться)? Или же...

Она нашла закладку и зажала её страницами, отложив книгу на стол. Кто-то стоял за дверью, явно зная, что она дома.

— Вот если это опять он... — видеофон зажегся, на секунду ослепив девушку.

Снаружи стоял не Антон. Маленький человечек сжимал двумя руками коробку, безмолвно глядя на дверь. Он как будто боялся нажать на кнопку звонка, предпочитая стучать. Переложив коробку в одну руку, он поднял другую, явно намереваясь достучаться до хозяйки запертой квартиры.

— Слушаю.

Незнакомец не дрогнул. Ожидая подобного, он повернулся в видеокамере, приподнял коробку и произнес:

— Вам посылка.

Катрина нажала на кнопку, погасив дисплей, и открыла дверь. Молодой консьерж замер. Лицо его обагрилось румянцем, но это не помешало его взгляду скользить по её телу, начиная от пальцев ног до самой головы. Он определенно знал, кто она, и не исключено, что еще пару часов назад смотрел видео с её участием, сжимая свой пенис маленькой, почти детской ладонью. Он был так близок к своему кумиру и так далеко от исполнения своих влажных желаний.

Катрина подняла руку, щелкнула пальцами, привлекая его внимание, пока он не кончил при ней себе в штаны.

— Здравствуйте, для начала. Обычно консьержи не приносят почту. Её забирают внизу. Или изменились некоторые правила, о которых мне следует знать? — начала она, забирая всю инициативу.

— О да, простите. Я просто... Вот, — он протянул коробку и, дождавшись пока девушка её заберет, продолжил. — Дело в том, что я хотел бы извиниться перед вами за то, что сделал мой напарник. Да, я все знаю, с его же слов. Понимаете, он...

— Это не ваша вина и не вам извиняться. Все, что ему нужно было знать на этот счет — я постаралась донести это лично до него.

— Да, конечно, но сами знаете, какой он. — Заговорщицки подняв ладонь, он прислонил её ребром к краю рта, чуть наклонился вперед и прошептал, — вы не одна в этом доме, кто его недолюбливает. И я в их числе.

— Ну стоило догадаться.

— И да, правила не изменились. Почта до сих пор выдается внизу. Просто я хотел... — он еще раз, на этот раз быстро, пробежался взглядом по её фигуре, — извиниться за него.

— Что ж. И на этом спасибо, — ей было забавно наблюдать за ним и одновременно отвратительно. Мало кому приятно, когда на него так откровенно пялятся. — Что-нибудь еще?

— О, нет. Это, пожалуй, все, — но продолжал стоять на месте.

— Автограф? — внезапно для самой себя выпалила Катрина.

— А разве можно? — глаза консьержа чуть не вылезли из орбит.

Мысленно обругав себя, Катрина прошла в комнату, включила общий свет, положила коробку на диван и нашла в столе ручку и чистый лист бумаги. Слово не воробей, вылетело — пиши стандартно «С любовью и т. д. и т.п., подпись». Но «С любовью» писать очень уж не хотелось.

Голова молодого консьержа просунулась в открытую дверь, ловя каждую деталь обители его фантазий. Катрина подошла к нему, закончив писать, и вручила ему лист бумаги.

— Не знаю ваше имя, уж извините. Можно было спросить, но я решила симпровизировать, так что вот.

«Держи взгляд на коротком поводке, а член в штанишках, и все будет хорошо. Крошка Кэт» — во весь лист размашистым почерком (ниже подпись и отпечаток поцелуя губной помадой). К гадалке не ходи — после рабочей смены это будет висеть у него в рамке на стене его квартиры. Редко когда она поступала именно так, но сделав это — не жалела. Поклонник он

и в порноиндустрии поклонник. Он — тот, кто платит. А тех, кто платит — просто так не отпихивают (хотя чаще всего так и происходит).

Консьерж внимательно изучил листок и его лицо из легкого покраснения вступило в стадию перезревающего помидора. Ярко-пунцовое, словно его пытались задушить. По меньшей мере четыре раза он пробежался по трем строкам, стараясь ничего не упустить, забыв о существовании всего на свете. Затем поднял глаза, на терпеливо ожидающую Катрину и застыл с открытым ртом.

— Так подойдет?

Дар речи не сразу вернулся к нему и первые слова были практически неотличимы от блеяния овцы, но в конце концов он смог совладать с собственным языком и медленно, выговаривая каждое слово, выдал все слова благодарности, которые имелись у него в запасе. И, чуть не кланяясь, он пошел прочь, однако, не отрывая своего взгляда от девушки.

Катрина закрыла дверь и улыбнулась. Забавно, когда тебя так боготворят. И мерзко, когда представляешь фантазии поклонников. Издержки профессии, другого и ожидать не следовало. Она вернулась в комнату, взяла коробку, взвешивая в руке. Хотя по отправленному адресату, она уже догадалась, что было внутри.

«Быстро», — мелькнула мысль.

Вскрыв, она обнаружила короткое письмо от матери, сопровождающее экземпляр новой книги отца, которой еще не было в продаже. Прочитав письмо, девушка рассмотрела обложку нового романа с названием «Старожилы», раскрыла его, вдохнула запах страниц. На форзаце стоял автограф с предваряющей надписью «С наилучшими пожеланиями». Менее оригинально, чем то, что сделала Катрина три минуты назад. Стандартный автограф, который оставляет её отец на всех авторских экземплярах, что присылает ему издательство. Заранее никто из родителей не знал, кому они раздают их, а потому и следовало ограничиваться стандартными фразами, без имен и прочих лишних слов. Прочитав аннотацию на задней обложке, Катрина положила «Старожилов» на стол, в ряд новых книг, ожидающих своей очереди для распределения на полках.

Девушка посмотрела на черный экран телевизора и на миг задумалась о том, а не переключить ли свое внимание на другие занятия, не менее интересные, со своими собственными историями? Рука уже потянулась к джойстику игровой приставки, который лежал на столике рядом с книгами, но замерла, не продвинувшись и на половину. Тень, замеченная ранее, вновь появилась, несмотря на хорошо освещенную искусственным светом комнату. Она двигалась медленно, стараясь быть невидимой, то уходя за пределы бокового зрения, то вновь появляясь, словно не могла найти себе место.

— Кто ты? — прошептала Катрина.

«Что ты делаешь? Разговариваешь с обманом зрения?», — вместо тени ответил голос в голове.

А сгусток мрака продолжал скользить вне поля основного зрения, не поднимаясь ни на сантиметр от пола. Ледяная дрожь прошла по коже, словно лавина, скатывающаяся с горы. От самой макушки до пальчиков ног.

Чего ты боишься?

Медленно, очень медленно, Катрина начала движение. Вернув застывшую руку на место, она, стараясь не упустить из вида это нечто, начала поворачиваться навстречу ему. Попытка с резким поворотом не увенчалась успехом, а значит оставался другой путь — постараться не спугнуть его.

Его?

Обман зрения замурлыкал. Тихо, отдаленно, так, словно находился на другом конце света. Холодный пот выступил на лице девушки.

— Кис, кис, кис, — внезапно для себя произнесла девушка и тут же осеклась.

«Кот? Как ко мне в квартиру попал кот?», — пот мгновенно испарился, дрожь перед неизведанным прошла, страх улетучился, сменяемый крайним удивлением, и она повернулась. Не быстро и не медленно. Просто повернулась, как спокойный человек поворачивает голову в обычной ситуации. Её взгляд еще мгновение видел тень и кончик лапы, торчащей из живой тьмы, но оно закончилось, оставляя лишь пустой угол комнаты.

Катрина встала и подошла к тому месту, где только что видела его.

— Ты как пробрался ко мне? — она встала на колени, глядя на открытый угол, до конца не понимая, для чего она это делает. — Выходи. Я тебя не обижу.

Тень не появилась и никак не дала о себе знать. Катрина обошла всю квартиру, заглядывая в каждый темный уголок, убеждая себя, что не сошла с ума. Но каждая минута поиска, старалась убедить её в обратном. Почти час она перерывала все содержимое квартиры, но в конце концов сдалась. Если бы кот существовал на самом деле — ей не пришлось бы его искать и десяти минут.

Катрина вернулась в гостиную и не удержалась от повторного, но в этот раз беглого осмотра. Ничего.

— Что ж. Я тебя поздравляю. Ты — сумасшедшая! — сказала Катрина, всплеснув руками.

И, словно подтверждая её вердикт, за спиной громко мяукнул кот.

Глава 3

1

Маргарита перебирала бумаги, доставая их из коробки и рассортировывая по лоткам, расставленным на столе в своём новом кабинете, который находился на втором этаже, на противоположной от башни стороне. Она почти привела его в полный порядок в соответствии с тем, как ей представлялась идеальная рабочая обстановка на новом месте. Еще несколько небольших коробок и все будет готово. Два больших шкафа стояли друг напротив друга, наполненные книгами различных жанров. В одном из них были те, которые покупала сама Маргарита для собственного чтения (он бы больше пригодился в комнате с башней, но Марго привыкла, когда все её книги рядом), в другом — подаренные некоторыми писателями с автографами, чьи книги она редактировала и порой практически переписывала с чистого листа, пока издательство не пускало их в тираж. И подавляющее большинство подаренных изданий она даже не открывала, зная их содержимое практически наизусть, до тошноты. В том числе каждую из книг её собственного мужа, которые занимали целых две полки, все ниже и ниже вытесняя остальные. Стол, удобное рабочее кресло, простой стул напротив, мягкий диван слева от двери и шкаф для разрозненных бумаг — вот и всё наполнение её кабинета.

Следующая небольшая коробка, дождавшаяся своей очереди, была полна одинаковых книг. Гранки нового романа Бена, которому предстояло в скором времени выйти в свет. Незадолго до переезда им прислали пятнадцать экземпляров, каждый из которых Бен подписал как под копирку, желая самого наилучшего тому, кому попадут в руки книги. Помня о своём обещании дочери, Марго отложила одну книгу в сторону, одну поставила на полку, добавляя её к полному собранию сочинений мужа, а остальные оставила лежать в коробке. Когда-нибудь придет время и для них.

Найдя в столе чистый лист бумаги, Маргарита взяла карандаш (ручка никак не могла попасться на глаза) и начала выводить серые буквы на белом фоне:

«Любимой дочери

Как я и обещала — высылаю тебе «Старожиллов». От себя могу сказать, что книга вышла действительно неплохая. Во всяком случае, лучше многих, что вышли за последний год под моей редактурой (не рассказывай никому, какого я мнения о работе тех, за кем приходится подчищать). Читай на здоровье. Я позволю тебе, как только появится немного свободного времени и постараюсь насобирать тебе более интересных новостей, чем этот бесконечный и весьма затянувшийся переезд!

Люблю тебя так же, как и всегда.

Мама»

Аккуратно сложив лист пополам, Маргарита спрятала его в книгу и огляделась по сторонам, подыскивая подходящую коробку. Как и предполагалось, ничего подобного она не увидела, так что пришлось ей положить книгу в выдвижной ящик стола и мысленно поставить крестик с напоминанием об отправке. Заодно есть повод познакомиться с соседним городком.

Бросив взгляд на оставшуюся работу, которая подходила к концу, Марго решила, что с неё пока хватит. Пыл, позволяющий усердно работать, угас, а потому следует немного передохнуть. Она подошла к двери, оглянулась еще раз и с долей удовлетворения вышла из кабинета.

В доме стояла полнейшая тишина. Марго прислушалась к ней на несколько мгновений и поёжилась от внезапно побежавших по коже мурашек. Словно чужие холодные пальцы пробежали по её обнажённой спине. Она почувствовала себя неуютно в абсолютном одиночестве и это чувство почти сменилось страхом, который испытывают люди, зажатые в темном про-

странстве и никогда раньше не страдавшие клаустрофобией. Дыхание участилось, и сердце забилося быстрее.

— Бен! — крикнула она, балансируя на грани между отчаянием и надеждой. — Ты меня слышишь?

Бен не слышал. Он с равной степенью мог быть как снаружи дома, так и в соседнем городе, уехав, не предупредив её, за чем бы то ни было.

Но Маргарита почувствовала его. Годы, проведенные с одним человеком, всегда вырабатывают крепкую связь, позволяющую знать, где он находится в данный момент. В мыслях, проносившихся в её голове, она чётко увидела мужа на заднем дворе. Не теряя ни секунды, Марго практически рванула вверх по лестнице, в спальню и на террасу.

Бен стоял точно так же, как она себе и представляла. Его голова чуть возвышалась над буйной растительностью сада. Маргарита видела только его макушку, но могла поклясться в том, что он не шевелился, глядя в сторону леса ничего не видящими глазами, словно его разум находился в нескольких измерениях от собственного тела. Но даже это немного успокоило её.

Марго подошла к перилам.

— Бен? — неуверенно и тихо, почти шепотом произнесла она.

Он не услышал. Словно камень, он был недвижим.

Маргарита хотела позвать его еще раз, но замерла. Над деревьями, закрывающими горизонт, появилась черная туча, тяжело ползущая прямо на их дом. Воздух стал плотнее, гуще, и в нем она уловила и почувствовала каждой клеточкой своего тела тот самый звук, что слышала в первый день своего приезда, стоя на этом же месте. Чувство дежавю мелькнуло в её сознании молнией.

— Бен! — крикнула она.

Бен по-прежнему ничего не слышал. Деревья словно расступились, пропуская рвущийся на простор ветер, несший на своих плечах черную тучу. Надвигалась гроза.

— Бен, черт бы тебя побрал! — закричала Маргарита так сильно, как только смогла.

Еще мгновение он стоял под порывами ветра, ничем не выдавая своего присутствия, но после — обернулся, в этот раз зная, куда сразу направить свой взгляд.

— Что?

— «Что»? Я не ослышалась? Ты правда это сказал? Я позвала тебя несколько раз, и ты спокойно поворачиваешься и говоришь «что»???

— А каким должно быть моё первое слово, после того, как ты отвлекла меня от размышлений? — Бен не спешил покидать разросшиеся заросли.

— Размышлений? Ты же просто... напугал меня! — сказала Марго, не зная, он ли, на самом деле, явился причиной её испуга или нет.

— Напугал? Это чем же? Тем, что я задумался чуть глубже, чем следовало, и не услышал, как ты зовешь меня?

— Я... Не знаю... Ладно. Хватит, — Маргарита подняла руки, прекращая бессмысленный спор. — Иди в дом. Гроза собирается, — она вздохнула.

Странное чувство, овладевающее ею угасло и окончательно покинуло Маргариту. Будто она собственным присутствием оборвала незримую тонкую нить, которая случайно и так ловко опутывала её мнимые беспокойства.

— Хорошо. Сейчас приду, — только и сказал Бен, вновь повернувшись к бескрайности зеленого буйства.

2

Новость о стоимости найденной монеты привела его в крайнее возбуждение. Даже не сама новость, сколько предположение о том, что еще может скрывать в своих недрах земля под его ногами. Земля, раскинувшаяся вокруг его новоприобретенного дома, в особенности — обширный участок заднего двора. Бен чувствовал, что на запущенном участке он обязательно найдет что-нибудь, даже несмотря на то, что та монета нашлась с противоположной стороны дома. Возможно, конечно, что под землёй больше ничего нет и их находка — лишь счастливая случайность, но в равной степени возможно и то, что поблизости есть еще несколько подобных сокровищ.

Местный нумизмат, который, к большому счастью, нашелся в этом маленьком городке, с равнодушным выражением лица осмотрел монету под всеми возможными углами прежде чем достать из верхнего ящика огромного массивного стола большую книгу. Бен, заглядывая в книгу вверх ногами, видел, что она полна всяческих исправлений, большинство из которых относится к ценам, указанным под изображением и описанием монет. Цены всегда растут, как и в любой нормальной цивилизованной стране.

Около минуты седоволосый мужчина искал в каталоге нужное изображение монеты (хотя Бен увидел её на несколько секунд раньше). Сверился с той, что находилась у него в руке и с таким же отсутствующим и апатичным выражением лица, никак не вяжущимся с его страстью к подобным предметам коллекционирования, вернул серебряный кругляш владельцу.

— Её стоимость оценивается от тысячи до полутора. Сложно сказать наверняка. Думаю, что те, кто захочет приобрести её — будут называть гораздо меньшую сумму, чем есть на самом деле. В конце концов её нельзя назвать хорошо сохранившейся, однако до сих пор я не видел гораздо более сохранившийся экземпляр, чем тот, который находится у вас, — произнес нумизмат, голосом не уступая собственной физиономии. — И не удивительно. Ей не одна сотня лет.

— Полторы тысячи максимум? — сокрушенно вздохнул Бен, установивший в собственных мыслях гораздо более приятную цену за эту счастливую находку. — В таком случае, может вы и заберете её?

— У меня нет подобных денег, — пожал плечами мужчина. — Забрал бы хоть в сие мгновение, но увы и ах! — капля недоступности раскрасила его голос грустными нотками. — Вы, наверное, меня не совсем поняли. Её стоимость исчисляется не в рублях, а в долларах. Её стоимость, самое малое, — тысяча долларов!

Дар речи в тот момент покинул Бена на время, достаточное для того, чтобы он успел нафантазировать несметные сокровища, разбросанные по его участку земли.

— Вы — счастливчик, — произнес мужчина, нехотя возвращая находку законному владельцу. — Найти такую вещь подобно выигрышу в лотерее. Каким металлоискателем пользуетесь? Знаю, что место находки вы мне, конечно же, не раскроете, однако маркой металлоискателя может все-таки поделиться?

Бен молча смотрел через преграждающее стекло на собеседника, сидевшего за столом в своей маленькой конторке, которая, по совместительству, являлась ювелирной лавкой и ремонтом часов.

— Не понял, — наконец выдавил он, сжав серебряную монету в кулаке посильнее, словно её грозились отобрать.

— Да ладно, ничего, — махнул рукой ювелир-часовщик-нумизмат. — У меня самого их три штуки. И зачем мне столько — ума не приложу. А времени на подобное хобби — практически нет.

«Металлоискатель», — подумал Бен и это слово каленым железом выжгло в его мозгу напоминание, так что не прошло и двух часов, как он нашел в интернете и оформил заказ на это чудо поисковой техники, не забыв также приобрести небольшую сапёрную лопатку и, конечно, триммер для скашивания травы.

Теперь же по прошествии нескольких дней после счастливой находки, Бен стоял в окружении безмолвной и неподвижной травы заднего двора. Его правый кулак был сжат так сильно, что весь побелел, словно он боялся потерять монету, впившуюся в кожу ладони. Отчасти, именно она привела его сюда, заставив пройти половину этого запущенного сада. Некий порыв заставил его ноги шагать практически помимо его воли. В голове шумело, словно помехи мешали ему вновь овладеть собственным телом. Разум спрятался за прочной стеной и не спешил возвращаться, предпочитая наблюдать со стороны.

Он провел в поле неполный час перед тем как услышать нечто. Бен знал этот звук. Тихий, шипящий, шепчущий, доносившийся из невообразимой дали. Только в этот раз он звучал уже внутри его головы, из недр сознания, с каждым мигom пытаясь стать громче. Шепот пытался что-то донести. Он утешал и ужасал одновременно, словно змея, нежно окольцовывая свою жертву, постепенно усиливала хватку.

Разум заметался, как безумный. Тело начало трясти. Бен почти потерял сознание, но голос отступил на несколько шагов назад, и все успокоилось. Контроль практически вернулся, но Бен продолжал стоять, пытаясь понять природу этих чувств.

Маргарита пришла и ушла. Этот эпизод пронесся для Бена как молния. И даже тогда, разговаривая с женой, он яснее слышал далекий шепот, чем её саму. Отвернувшись же, он неосознанно облизнул пересохшие губы и почувствовал металлический привкус на языке. Вкус крови. И запах. Подняв левую руку, Бен потрогал губу под носом и увидел на пальцах светло-красные пятна крови. Шепот исчез, оставив после себя лишь головную боль, от которой помутилось в глазах. Ветер начинал бить по лицу все сильнее.

Бен вытер рукавом рубашки кровь, сунул монету в карман брюк и развернулся в намерении как можно быстрее покинуть это место, но чуть было не упал. Фейерверк звезд разорвался в его глазах, и кровь с удвоенной силой хлынула из носа. Схватившись за траву по обе стороны от себя, Бен удержался на ногах, слегка подавшись вперед. Кровь капала на землю, которая впитывала её словно губка. Казалось, еще несколько секунд, и жизнь покинет его тело, но мысль эта, промелькнув в голове писателя, испарилась, так же быстро, как и сама боль. Боль, которая еще секунду назад терзала его голову, исчезла, словно поймав попутный ветер, и кровь, заливающая землю и носки ботинок, иссякла.

— Уж не приступ ли это, — пробормотал Бен, отчаянно пытаясь вспомнить сигналы и признаки сердечного приступа. До сих пор он редко жаловался на собственное здоровье.

«Странно все это. Думаю, Марго об этом знать не обязательно», — мысленно закончил Бен, старательно вытирая остатки крови с губ и подбородка, медленно пробираясь при этом к задней двери дома.

3

Маргарита готовила ужин, полностью погрузившись в это занятие. Краем уха она слышала, как около часа назад, как раз вскоре после того, как она позвала Бена, хлопнула дверь. И больше никаких звуков, за исключением рева ветра, который превратился в настоящий ураган. Иногда она выглядывала в окно и радовалась тому, что находится под защитой крепких стен.

«Крепких ли?» — спросила она себя, но тут же дала утвердительный ответ. В противном случае этого дома уже бы не было.

— Я тебя напугал?

Маргарита обернулась. На пороге кухни стоял Бен. Вид у него был усталым и почти болезненным. За последний час, как невольно отметила Марго, он успел сменить верхнюю одежду и привести себя в более подходящий для ужина вид.

— Да, но... Не знаю. Навряд ли ты виноват в этом. Скорее всего, меня сегодня впервые посетила паническая атака.

— Паническая атака? — переспросил Бен.

— Да. Если, конечно, это называется именно так. Страх без причины, накрывший тебя за какие-то секунды, — Маргарита помешала в кастрюле варево и повернулась к мужу. — Что ты там делал?

— Черт его знает, что я там делал. Задумался о том, сколько предстоит работы и...

— Сколько этого добра находится под землей, — закончила за него Марго.

— Точно. Ты же меня знаешь, что задумавшись, я могу увязнуть в собственных мыслях.

— Знаю. Надеюсь лишь, что ты не увязнешь в своей начинающейся золотой лихорадке.

— Серебряной, если на то пошло, — Бен позволил себе улыбнуться, хоть Маргарита этого и не увидела, поглощенная готовкой. — А я надеюсь, что твоя паническая атака была первой и последней, — он прошел к столу и сел на стул, переведя взгляд на окно. — Как думаешь, долго продлится этот ураган?

— Хорошо было бы, если бы он сейчас же закончился. Надеюсь, дом выдержит.

Бен рассмеялся и смех этот словно принес свет в темную комнату, отгоняя все плохие воспоминания.

— Выдержит, не сомневайся. Он простоял слишком долго, чтобы рухнуть под напором легкого ветра. Так что у нас на ужин? Пахнет вкусно.

— Завтра мне нужно будет съездить в город, — вопрос Бена остался без ответа. — Я возьму автомобиль, если не возражаешь.

— А когда я возражал на это? Да и есть ли у меня такое право?

— Право есть. А вот возможности использовать его — нет, — Марго улыбнулась, но Бен также не заметил её улыбки. Его внимание было приковано к происходящему за окном.

Все, что плохо держалось — оказывалось в воздухе, мечась из стороны в сторону, падая и взлетая вновь. При таком грозном ветре можно было биться об заклад, что на завтра многие не досчитаются своих павильонов, оранжерей, баннеров с рекламами, нескольких листов кровельного железа, а то и пары окон, в которые может прилететь все, что угодно. В такие моменты задаешься одним вопросом. Когда и почему в частных домах перестали устанавливать ставни на окна, тем самым защищая стекло от внешних посягательств природы? Но было в этом и нечто завораживающее. Ощущение собственной безопасности удваивается, когда ты внутри собственных стен. Оно схоже с тем чувством, когда ты едешь в автомобиле под сильнейшим ливнем, сухой и опрятный, глядя на то, как люди снаружи пытаются добежать до ближайшей крыши, заранее зная, что она им уже не поможет для того, чтобы остаться сухим. И помимо собственной безопасности ты чувствуешь еще кое-что. Удовлетворение и мерзкое злорадство,

которое липнет на кончиках пальцев, подобно моторному маслу. Тебе повезло больше, чем другим. Ты оказался в нужном месте в самое подходящее время.

Марго поставила перед ним две тарелки.

— Вот что у нас на ужин.

Кроваво-красный борщ на первое и средний кусок бифштекса с картофельным гарниром на второе.

— Ого! У нас праздник?

— Ага. Время вечер, а мы до сих пор живы.

— Смешно, да.

Отломанная от дерева ветка ударила в окно, чуть не отметившись трещиной.

— Еще немного, и пришлось бы менять стекло, — сказал Бен и взялся за ложку.

Маргарита поежилась. Дерево, разбивающее окно — один из самых потайных страхов человека. Не увидев и не испытав этого, никогда не узнаешь, как сильно ты можешь этого бояться. Убедившись, что в окно более ничего пока не метит, Марго поставила свою тарелку на противоположный от Бена край стола и села на стул.

— Как будущая книга? Есть идеи? — спросила она.

— Книга? А можно мне отдохнуть? Еще «Старожилы» не вышли в продажу, а ты уже спрашиваешь про следующую.

— Бывало и такое, что ты практически сразу приступал к новой. Я просто спросила, — Маргарита пожала плечами и приступила к ужину.

— Возможно, одна идея у меня все-таки есть в запасе, — после некоторого раздумья произнес Бен. — Но, думаю, она немного потерпит. Пусть созреет. Для начала нам нужно привести все в порядок. Или хотя бы большую часть. Работы много, так что зима наступит — не успеешь и моргнуть.

— Середина лета на дворе. Какая еще зима?

— Планам, как и книге, тоже следует созреть. А об их реализации я даже молчу. Тем более, скоро придет металлоискатель. Начнем копать и копать, — первая тарелка опустела и её место заняла вторая.

— Думаешь найти на этой запущенной земле свой персональный клад?

— Именно это и хотелось бы обнаружить, да. В любом случае пусть все идет своим чередом. Пока что обустрою себе кабинет, а там как пойдет. Не исключено что, как только сяду за стол — руки сами потянутся к клавиатуре, а там уже сама знаешь — полностью забуду обо всем, включая возможные сокровища, ожидающие нас под ногами. Кстати, раз уж мы заговорили о книгах. Ты уже придумала, кому отошлешь те экземпляры, которые я подписал?

— Там пятнадцать книг. Тринадцать, за вычетом двух, которые пополнят твою и мою коллекции. Из них около восьми, которые ты подписал, примерно представляю, кому следует отправить. Судьба остальных пока туманна.

— Ей ничего не отправляй.

Ложка Марго застыла на полпути. Она подняла глаза на Бена, заранее зная, о ком он говорит. Зная, что сейчас произойдет. Зная, что разговор, как и ужин, испорчен, так толком и не начавшись.

— Ты сейчас про кого? — медленно проговорила она.

— А сама не догадалась? Про эту ш...

— Не смей так говорить! — Маргарита бросила ложку в тарелку, окропляя стол красными брызгами. — Она наша дочь!

— Была когда-то, — Бен бесстрастно отрезал кусок мяса и отправил его в рот.

— Всегда будет. И я буду отправлять ей что захочу и когда захочу, — прошипела Маргарита, замерев, как кобра, перед броском. — И не тебе меня останавливать.

— Право есть. А вот возможности использовать его — нет? — улыбнувшись краем рта, Бен повторил слова своей жены.

— Именно так. Если не хочешь её знать, общаться с ней и поддерживать минимальные контакты — дело твоё. Но я никогда тебя в этом не поддержу и не пойму твоей позиции.

— Так же, как я не поддержу и не пойму её.

— Хватит. Мы обсуждали это миллион раз. И каждый — заканчивался одинаково.

Аппетит пропал окончательно. Маргарита встала и убрала свою тарелку, поставив её рядом с мойкой.

— Уберешь за собой. И когда надумаешь извиниться за свои слова — можешь не утруждать себя. За это я тебя простить не смогу. Никогда.

4

Бен зашел в свою будущую альма-матер. Комната с полукругом башни и панорамными окнами на втором этаже. Будущий кабинет можно было бы принять за склад макулатуры, если бы не аккуратно расставленная грузчиками мебель, произведённая под руководством Бена. Внимательно осмотрев каждую деталь окружения, мысленно построив в голове картинку, он принялся за работу. За окном вечер медленно уступал надвигающейся ночи, а ветер продолжал бушевать, но, к счастью, уже не так сильно.

Работа его практически ничем не отличалась от той, которую проделала Маргарита несколько часов назад. Покинув обеденный стол, она вновь отправилась в свой кабинет, продолжать наводить порядок, тогда как Бен еще просидел внизу, купаясь в собственных мыслях. И злости. Он почти залился на Марго, за её общение с дочерью, но в гораздо большую ярость его приводило собственное бессилие, потому как препятствовать этому он не только не мог, но и в глубине собственной души — не хотел. Никакая сила не разделит хорошую мать с дочерью, чем бы ни занималась последняя. Бен возненавидел Катрину за её занятие и никакие доводы не могли унять его чувства. Даже тогда, в редкие часы прозрения и раскаяния, вызванные скорее неким случайным внешним фактором, бьющим по струнам души, презрение зиждилось в тени, отступая лишь временно и неизменно восстанавливаясь в собственных правах. Ненависть и презрение — две нерушимые аксиомы, рожденные после всего двух слов: «Я — *порноактриса*» — калёным железом выжженные на его сердце. И рана эта, казалось, не затянется никогда.

Одна коробка свалилась набок. Створки открылись, и из неё хлынули бумаги, письменные принадлежности и единственная книга, которую он всеми силами избегал.

— Как ты сюда попала? — прошептал Бен, глядя на неё сверху вниз.

«И помните: ключ под ковриком» — самое длинное название с самым длинным списком авторов в его арсенале. Бен Камински, Екатерина Камински (издатель настоял, чтобы подписать её как Екатерина, а не Катрина, оставив свои доводы в пользу этого при себе). Его дочь внесла существенный вклад в неё, не только подарив новое дыхание написанной трети романа, который застопорился и ожидал своей участи отправиться в мусорную корзину навсегда, но и переработав по-своему все, что уже было готово.

— Я просто представила то, что хотела бы здесь прочесть — и изменила многое, где-то убавляя, где-то прибавляя. Но решать тебе, — сказала она тогда, передавая исправленное и продолжая делиться собственными идеями.

И в тот самый миг он не сомневался в том, что если книга подойдет к концу — он обязательно добавит её в соавторы, что, собственно, Бен и сделал. А теперь, глядя на неё, гримаса отвращения исказила его лицо. Бен пнул книгу, свою и своей дочери, и та полетела напрямик под шкаф, словно живое существо спряталось от хозяина-изверга.

Поставив коробку как положено, он сгреб все содержимое обратно — её очередь еще придет. Взяв другую, он начал доставать тетради, блокноты, кипы рукописных и печатных листов — все, что он так и не закончил. Около десятка романов застопорились и были отвергнуты, навсегда помещенные в самый далекий и темный ящик стола. Некоторые их идеи Бен мысленно переработал в своей голове, добавляя сюжетные линии для опубликованных впоследствии романов, но большинство — осталось нетронутым и забытым. Все это, как всегда, легло в самый нижний ящик стола, наполнив его практически доверху. Места в ящике хватило бы еще на пару незаконченных книг, так что о его чистке пока можно было не вспоминать. Своеобразная мусорная корзина. Национальный менталитет, привычка «А вдруг пригодится?», которая спустя десятки лет прочно прижилась в сознании бывшего англичанина.

Дождь забарабанил по окнам башни, и первая молния озарила небо, с привычным раскатом грома, последовавшим за ней. При таком ветре это была ожидаемая кульминация. Шум

падающих капель нарастал медленно, словно развивающий скорость автомобиль, поднимающийся в гору. Потребовалось всего несколько минут, чтобы дождь превратился в ливень, сила которого могла легко потягаться со шквальным ветром. Бен сел за стол, находящийся в закруглении башни, и принялся следить за потоком воды, низвергающимся на землю. Он выбрал именно это место, как средоточие его вдохновения и концентрации. Отвлечься на панорамный вид приятнее и полезнее, чем на телефон или голую стену.

Тьму озарила вспышка молнии, отразившись в глазах Бена, ослепив его всего на мгновение. И с этим природным явлением пришла идея. Та самая идея, которую он ждал. Вот так внезапно, как и всегда. Идея, которую следовало сейчас же набросать на бумаге. Бен встал, осторожно, словно мысль могла выскользнуть из его головы так же легко, как электрический разряд испаряет плотные черные тучи. Время той самой коробки наступило гораздо раньше, чем он ожидал. Огромная связка карандашей, две связки ручек и разброс остальной канцелярии, поселившихся внутри картонных стен, терпеливо ждали своего часа. Бен выхватил связку карандашей и пачку белоснежных листов, вернулся к столу и немедленно приступил. Слова поначалу текли медленно, словно пересыхающий ручей, но следующая вспышка за окном словно подстегнула писателя, остро нуждающегося в искре, приводящей к пожару. И тонкий ручей превратился в настоящий неуправляемый поток широкой, бурно разлившейся реки. Исписанные листы разве что не падали со стола, когда Бен отодвигал их в сторону, нуждаясь в новом, чистом, сверкающем белизной. Целиком и полностью он ушел в историю, которая выстраивалась сама по себе, постепенно обрастая деталями, как кости обрастают плотью. Скелет, канва, идея — это только начало истории. Все остальное, его плоть — точное описание, с долей туманности, позволяющее читателю не только бездумно впитывать абзац за абзацем, но и подключать собственную фантазию, развивая собственное видение незримого.

К десятому листу прибавился одиннадцатый, а на двенадцатом карандаш (уже третий) начал скрипеть все реже и реже, пока не умолк окончательно. Бен перевыполнил обычную дневную норму на четыре с половиной листа. Так бывало в двух случаях: когда идея возникала без предупреждения, словно озарение свыше, и когда история не могла просто так отпустить его, обещая показать нечто такое, чего он еще не видел (что случалось в последнее время, к сожалению, редко). Конечно, обычно он пользовался ноутбуком, но при царившей в кабинете неупорядоченной вакханалии, лист бумаги и карандаш — лучшее и максимально быстрое решение.

Указательный и средний палец правой руки покраснели и с непривычки начали болеть. Вдавливаемая карандашом плоть выступала категорически против таких экспериментов, но Бен старался не обращать на это внимание. Он перевернул и положил перед собой все разрозненные листы и пронумеровал каждый из них, чтобы позже не пришлось искать, где начало, где конец, а где середина. После — наскоро перечитал, внося незначительные правки и изменения. Время первого круга редактирования, как он это называл, придет лишь тогда, когда новый роман будет готов полностью. А перед этим — только мелкие правки. И лишь после всего этого — Бен, к радости собственных пальцев, положил карандаш на стол и откинулся на стуле, заложив руки за голову. Удовлетворение от проделанной работы просигналило о том, что он на верном пути.

Ливень за окном превратился в обычный дождь. Момент перехода Бен не видел. Все его внимание было нацелено на лист бумаги и разворачивающиеся на нем действия, в которых реальности не было места. Капельки воды тихо барабанили по стеклу, направляемые ветром, который устал еще сильнее, но пока был еще в состоянии управлять траекторией их падения по собственному усмотрению. Обреченные, они врезались в стекло и, собираясь вместе, скапывались по гладкой поверхности, стараясь добраться до земли.

Бен молча наблюдал, как тонкие струйки бежали вниз, словно соревнуясь друг с другом. За деревьями, высоко в небе, мелькнула вспышка. Гроза уходила, но старалась напоминать о

себе даже издалека. Лениво обдумывая (теперь он мог себе это позволить), возможное дальнейшее развитие сюжета, Бен расцепил пальцы на затылке и положил руки себе на ноги. Таким манером он перебирал в уме всевозможные сюжетные ходы чуть больше получаса. Даже собственный полёт фантазии мог увлечь его не меньше, чем чистый лист бумаги на столе. От раздумья его отвлекло нечто невесомое. Легкий, еле слышный перестук. Быстрый, подобно удаляющимся молниям за окном и в то же время звонкий, как звук монеты, упавшей на каменный пол. Фантазия улетучилась, вышвыривая его обратно в реальность.

Бен закрыл глаза, прислушавшись. Барабнящий по стеклу дождь перекрывал все остальные звуки, и, с минуту, Бен не слышал ничего кроме. Решив уже, что ему просто показалось, он начал открывать глаза и в это же мгновение, вновь услышал его. Скребущий звук, цокающий, передвигающийся.

Открыв глаза, он повернул голову в сторону вероятного источника так резко, что шейные позвонки хрустнули, напоминая вести себя осторожно. Вглядываясь в частично захламленный коробками кабинет, Бен не мог заметить ничего подозрительного. Казалось, его сознание просто играет с ним злую шутку и ничего более. Он вздохнул, обшарив взглядом всю комнату несколько раз, посмотрел на часы. Маленький электронный циферблат в углу его стола высвечивал 02:48. Редкий случай, когда он засиживался так долго. Понимая, что пора уже готовиться ко сну, Бен также понимал и тот факт, что спать ему не хочется совершенно.

Пролистав лежащие перед ним исписанные листы, Бен еще раз мельком прочитал отдельные слова и фразы, вновь наполнившись чувством удовлетворения. Чуть заметно кивнув и улыбнувшись, он оперся о край стола руками и осторожно поднялся со стула. В его возрасте, после длительной работы, приходилось подниматься осторожно. Ноги могли занеметь, если Бен, в порыве увлеченности работой, совершенно не двигал ими, да и сам опорно-двигательный аппарат застаивался до такой степени, что стоило ему резко подняться, как перед глазами вспыхивали круги и комната начинала кувыркаться и плясать.

Поднявшись на ноги, в этот раз вместо звука он на самом краю бокового зрения увидел маленький бесшумно передвигающийся комок тьмы. Забыв про предыдущее предупреждение шейных позвонков, он вновь резко повернулся, в этот раз, однако, без хруста. Ничего. На мгновение ему показалось, что он заметил тускло-розовую полоску, скрывшуюся за шкафом, но не придал этому особого значения. Бен вышел из-за стола, подошел к шкафу, внимательно осмотрел все вокруг, заглянув даже в наполовину открытую и полупустую коробку. По-прежнему ничего.

— Надеюсь, это не крысы, — буркнул он, развернулся и шаркающей походкой вышел из кабинета, выключив свет и плотно закрыв за собой дверь, не заметив, как пара маленьких черных бусин глаз неотрывно следили за каждым его движением из темноты, скопившейся между шкафом писателя и стеной.

Глава 4

1

«24 июня. Всегда сложно притворяться кем-то другим, учитывая то, что сам не знаешь кто ты такой. Единственное, что тебя отличает от других — четкая цель, которой ты намерен достичь. И ничего больше не связывает тебя с этим миром. Миром, прогнанным до самого основания. Миром, о котором Бог давно забыл, засунув его в самый дальний и темный уголок ящика своего необъятного стола, со всеми его обитателями и проблемами.

«Забывтый город» молчит. Каждый его житель — угрюм и неразговорчив. Кому как не мне их понять? Думаю, я бы с легкостью поселился здесь, если бы не знал, что с ним что-то не так. А вот что именно...»

К горлу подкатил комок, который сглотнуть обратно не удалось. Комок рвался наружу и не собирался дожидаться, пока его донесут до туалета. Капли воды, сочащиеся из потолка, барабанной дробью указывали на спасительный круг — ведро, ловившее каждую из них. Человек быстро отодвинул стол и практически ползком добрался в угол комнаты. Еще мгновение, и струя рвоты заменила собой дождевые капли, которые теперь падали уже на затылок.

Привычное его состояние — похмелье. Привычный позыв рвоты. Привычная головная боль и жжение в желудке. Красные глаза, двухнедельная щетина, впалые щеки, всклокоченные, давно требующие стрижки, волосы. Не зная его — любой мог подумать о том, что видит перед собой бродягу, который разменял уже полвека. И был бы наполовину прав, за исключением того, что мужчине было всего тридцать три года.

Все то небольшое, что находилось в его желудке, оказалось в ведре. Мужчина сплюнул, вытер рот тыльной стороной ладони, осторожно встал, преодолевая боль в голове, и проковылял обратно к дивану. Подвинув к себе стол, поискал глазами ручку. Она лежала на середине комнаты, не удержавшись на поверхности от внезапной тряски. Тяжело вздохнув, мужчина поднялся, взял её (желудок сократился, но этот позыв удалось побороть) и вернулся обратно.

«...я не могу понять. Везде я натываюсь на глухую стену и показное непонимание. Меня игнорируют, оставляя все вопросы без внимания. Редкий собеседник всегда меняет тему. Словно этой тайной владеет каждый в этом проклятом городке и никто не желает делиться ею. А все зацепки ведут в тупик.

Хотя надежда еще есть. Он может помочь, я в этом уверен. Почти уверен...

Шкура частного детектива под прикрытием мне никак не подходит...»

Он закрыл блокнот и отодвинул его на середину стола. Нашупал в кармане сигареты, достал, закурил. Дым немедленно добрался до глаз, разъедая их, но мужчина этого как будто не чувствовал. Капли продолжали падать в ведро, ударяясь теперь с глухим, почти хлюпающим звуком.

Уп-уп-уп.

Наполнившиеся дымом лёгкие не пришли в восторг. Каждая клеточка его тела бунтовала, работая из последних сил, но хозяин никогда не прислушивался к ним, словно хотел побыстрее достигнуть титров, возникающих на горизонте, знаменующих неизбежный конец.

Мужчина курил, молча глядя на стену напротив, увешанную разными газетными вырезками, изрезанную красными нитями, перебегающими от одного заголовка к другому; от места на карте до рукописной записки; от черно-белой фотографии до очередной газетной вырезки. И весь этот сгусток информации был бесполезен без живых показаний горожан. Сухая информация, не несшая в себе ничего, кроме лишних, ненужных вопросов.

Наручные часы показывали шесть часов утра. Мужчина вдавил окуроч в пепельницу и встал. Пора приступать к работе. Другого ему ничего не оставалось. Проковыляв в ванную, он тщательно рассмотрел себя в треснувшем зеркале. Он никогда не верил в плохие приметы, и потому его не пугали черные коты, «собачьи ворота», возвращение в квартиру в поисках забытой вещи и разглядывание собственного отражения в разбитом стекле. Он видел вещи и похуже. Примерно такие же, как и его лицо, глядящее на него в ответ. И этот запах грязи, пота, рвоты и алкоголя, насквозь пропитавший его одежду.

Он снял с себя все, бросая на пол. Открыл душ. Шланг задергался, исторгая ржавые и холодные потоки воды, которые прорывались по трубам почти пять минут, прежде чем пошла более-менее чистая и теплая вода. Мужчина залез в ванную и встал под струю, закрыв глаза. Недостаточно горячая для мытья, но прохладный освежающий душ сейчас был даже лучше. У него ушло чуть больше получаса на то, чтобы привести себя в более презентабельный вид. Старая бритва, с затупившимся ржавым лезвием, оставила после себя три небольшие кровавые отметины на лице, но даже так он стал выглядеть лет на пять моложе. Тщательно почистив зубы такой же древней, как и бритвенный станок, щёткой, он насухо вытерся полотенцем, прошел из ванной комнаты в гостиную, достал из старой и пыльной сумки-рюкзака остатки чистого белья (которые слегка отдавали затхлостью) и оделся.

Отвратительный запах не исчез. Он насквозь пропитал всю квартиру. Мужчина заглянул в ведро, и его желудок жалобно отозвался на увиденное зрелище. Скривившись, он взял его за ручку, слил содержимое в унитаз и, ополоснув водой, поставил его на место.

На кухне он нашел аспирин в одном из ящиков стола. Срок годности, указанный на упаковке, вышел три года назад. Налив в стакан воды из бутылки с надписью «Родник души», запил две последние таблетки, не рискнув их пережевывать. Минуту постояв, пытаясь удержать все в желудке, он вернулся в комнату и осмотрелся. Дневник лежал на столе, рядом с ручкой и пепельницей. Капли воды звонко падали в пустое ведро. Одна из красных ниток на стене отцепилась вместе с кнопкой, удерживающей её, а теперь валявшейся рядом. Он нагнулся, поднял её и вдавил её обратно. Не туда, где она была изначально, а в первое попавшееся место. Рюкзак, теперь уже пустой, лежал бесформенной грудой слева от дивана, закрывая собой часть грязной одежды. Пожелтевшие обои отклеивались сверху, пытаясь дотянуться до пола. Потолок в серых, черных, синих и желтых разводах от многочисленных и постоянных протечек крыши. Старый скрипучий пол. Лучшая квартира, на которую он мог надеяться здесь. Подстать ему. И он не жаловался.

Перед уходом он еще раз заглянул в ведро. До сих пор пустое. Если на улице не случится ливня, то его должно хватить почти на восемь часов. С ливнем — максимум на четыре. Хотя беспокоиться о том, что он затопит нижних жильцов, не приходилось. Под ним квартира пустовала. И выглядела еще хуже, чем его. Плюнув в ведро, мужчина надел ботинки и вышел наружу.

Улица встретила его морозящим дождем и холодным ветром, не характерным для конца июня. Редкие прохожие — все как один кутались в теплые куртки, закрываясь зонтиком, скрывая свой угрюмый и недовольный вид. Серый маленький городок с минимальным количеством жителей и отвратительной погодой. Ничего необычного, за исключением того, что стоило отъехать от него на десяток километров в любую сторону, оставив его за горизонтом, как тучи тут же расступались. Дождь сменялся ярким солнцем приветливого дня, а люди улыбались чаще, чем можно было себе представить. Этот город был проклят. Неизвестно кем, неизвестно когда, неизвестно по какой причине. И он, священник по имени Иеремия, здесь только с одной целью — узнать все, что можно, об этом проклятии и попытаться снять его. И чем быстрее — тем лучше.

Иеремия. Подняв лицо навстречу легкому дождю, он внезапно вспомнил собственное детство, проведенное в сиротском приюте. Тот самый момент, когда он предпринял первую

попытку побега, будучи десятилетним мальцом, жаждущим лучшей жизни. Несмотря на давность событий, он мог припомнить каждую его деталь. Но основой воспоминания был точно такой же дождь. Маленькие, ленивые и холодные капли которого сыпались из темно-синей тучи, нависшей над ним одним. В тот самый день он подошел к этому не так ответственно, как в последующие разы. Побег был спонтанным решением, внезапным. Он увидел возможность и, не раздумывая, использовал её. Выпрыгнув в открытое окно туалета на первом этаже, Иеремия, которого тогда звали Ерёма, что есть мочи припустил по территории в сторону массивных железных ворот — единственная брешь в высокой стене, которую опять никто не закрыл. В старых, почти доживших свой век ботинках, дырявых штанишках, футболке на два размера больше, с абсолютно пустыми руками и без единой мысли о том, что следует делать, если его попытка увенчается успехом. Ветер, казалось, помогал ему, раздувая футболку словно парус, неся его к воротам. Краем глаза он увидел справа от себя старого сторожа, бежавшего напереиз. Того самого, в чьи обязанности входили запертые ворота. Но куда ему, шестидесятипятилетнему тягаться в прыткости с мальчуганом с горящими глазами, пламенным сердцем и мечтой выбраться.

Ерёма бежал еще около пятнадцати минут, не разбирая дороги, после того как миновал ворота. Ему казалось, что если он остановится хоть на секунду — они настигнут его и накажут. И наказание это будет гораздо серьезнее, чем все остальные. Он остановился только, когда добежал до большого разрушенного моста в безлюдной части того города, на окраине которого находился приют беспризорников. Раньше все было иначе. Раньше все приюты стояли подальше от городов, дабы не приносить его жителям лишних проблем. Другое дело — сейчас. Сейчас он бы и не убежал далеко. Да и сделал бы попытку побега?

Сердце продолжало свой бег, раздувая лёгкие, как кузнечные меха. Осень сыпалась с неба дождем желтых листьев. Мальчик оглянулся, но никого не увидел. Довольная улыбка растянула его губы, пытающиеся вобрать в себя побольше теплого, осеннего воздуха. Он направился к остаткам моста и в этот самый момент пошел дождь. Точно такой же, как и сейчас, словно их не разделяли двадцать пять лет и разное время года. По осеннему холодный, невзирая на тепло дня. И он не прекратился ни через час, ни на следующее утро, после практически бессонной ночи, проведенной под мостом. Дождь продолжал идти даже в тот самый вечер, когда он вернулся к закрытым теперь воротам, продрогший, голодный и вымокший до нитки, навстречу собственному наказанию. Он достиг собственной цели — бежал из ненавистного приюта. Но куда и зачем? Что ждало его за крепкими стенами внутри которых царила жесткая дисциплина? Ледяной дождь, голод, разбитый мост, рваный сон на постели из влажных листьев.

Ерёма не перестал мечтать о побеге. Стойко пройдя все испытания спонтанно принятого решения — он не оставил попыток побега, но теперь планировал все наперед. Учитывал каждую деталь, попавшую в поле зрения мальчишки; каждую ошибку, совершенную в прошлом; каждый следующий шаг, который он намеревался предпринять. Уж теперь-то холодный призраок моста не станет концом пути. Он пойдет дальше! Только вперед!.. И каждый раз его возвращали обратно. Управляющий приютом, так же как и безродный сиротка, учел собственные ошибки. И теперь ворота оставались заперты, лазейки замурованы, новый бдительный охранник был молод достаточно, чтобы в три шага настигнуть любого, кто попытается бежать, а наказания становились жестче раз за разом.

Так тот самый дождь и стал символом свободы и независимости. А также собственного поражения.

Судьба сироты — оставаться в приюте до самого конца, каким бы он ни был, будь то совершеннолетие или трагическая смерть «по неизвестной причине». И Ерёме не было суждено скрыться от неё. Надежда оставить сиротскую юдоль почти покинула его. Пока к нему не пришел этот человек в черной рясе, с серыми уставшими глазами, не выражающими ничего, кроме боли и печали. Пока не разглядел в мальчугане то, за чем пришел. Пока не крестил его

огнём. Пока не нарек Иеремией. Пока не дал другую судьбу. Судьбу человека, стоящего на грани жизни с глазами, видевшими то, что гораздо хуже смерти.

По дороге прогрохотал грузовик, исторгая с оглушительными хлопками черный дым из своей огромной выхлопной трубы, вырывая застывшего на тротуаре священника из воспоминаний. Иеремия опустил слегка посвежевшее от холодных капель лицо, накинул на голову капюшон куртки и неторопливо направился туда, где всегда роились свежие слухи, даже для такого наполовину вымершего и всеми забытого города.

2

Иеремия приходил сюда ежедневно, почти перейдя из категории «заезжих» в категорию «свои», хоть это не сильно ему и помогало. Кафе «У Виктора» некогда было (по словам самого владельца) одним из лучших в городе, а теперь стояло на грани разорения. Надо отдать ему должное. Продержалось кафе гораздо дольше всех остальных, но качество его заметно пострадало. Если можно было предположить, что раньше в нем витали ароматы аппетитного шашлыка и свежего домашнего вина и разливного пива, то теперь помещение заполняли тяжелые запахи кислой капусты и опилок, коими посыпали блевотину, оставляемую посетителями. Полутьма, отвратительная закуска, старое пиво, больше похожее на мочу, горький самогон со странным привкусом (запасы водки давно иссякли, так что приходилось идти на ухищрения) и весь собиравшийся здесь сброд не прельщали никого, кроме себе подобных, к которым относил себя Иеремия.

Несмотря на ранний час — внутри находились пятеро человек, за исключением самого хозяина, дремавшего за стойкой бара. Четверо были в алкогольной отключке, уткнувшись лицами в выдавшие лучшие времена, липкие, не протертые столы. Единственный, находившийся в сознании, бредил, глядя на серую стену перед собой. Его губы отчетливо шевелились, но что он бормотал — Иеремия так и не понял, даже проходя мимо него, напрягая слух. Его лицо показалось священнику смутно знакомым, но он не нашел в этом ничего удивительного. Здесь все были на одно лицо. Опухшие, синеющие алкогольные лица заполняли это помещение ежедневно, употребляя все то, что никогда не станет пить уважающий себя человек.

— Доброго утра, — вполголоса произнес Иеремия, подойдя к стойке.

Виктор недовольно поежился, развалившись на стуле, и приоткрыл один глаз, глядя на сумасшедшего, говорящего о сверхъестественном.

— А. Это ты. Приветствую! — глаза раскрылись и хозяин заведения медленно поднялся, сохраняя равновесие.

— Ты когда-нибудь высыпaeшьсe нормально? Или вся твоя жизнь проходит на этом стуле?

— Бывает и такое, когда меня подменяет Марк. А он уже неделю не появляется, как ты знаешь. Если бы не Полина, которая убирается здесь три раза в неделю, то пришлось бы раскинуть кушетку прямо за стойкой. А так, я могу позволить себе отлучиться домой, принять душ, поспать пару часов в нормальной постели. Жизнь здесь не сахар, правда? Хорошо хоть этим, — он махнул рукой в сторону полуживых тел в зале, — не нужно ничего, кроме выпивки. Полина ни за что не осталась бы за этой стойкой, если бы кто-то буянил. — Виктор внимательно посмотрел на Иеремию. — А ты выглядишь довольно свежо, после вчерашнего-то. Который сейчас час?

— Почти семь, — Иеремия уселся на стул и положил руки на стойку.

— Семь? А поточнее? Утро или вечер?

— Утро, конечно!

— И чего только тебе не спится в такую рань. Пришел опохмелиться? Тебе как обычно? Все остатки вина вышли еще вчера, но вот брага...

Священник подавил рвотный позыв и приступ головной боли, которая почти прошла под действием таблеток.

— Нет, спасибо. Не в этот раз. Лучше кофе и, рискну заказать чего-нибудь съестного. Бутерброд или булочку, если такая найдется.

— Всего-то? — Виктор скорчил кислую мину. — Моя тетрадь, в которую я заношу должников, почти подошла к концу, а единственный человек, который платит наличными в этом

заведении, приходит в семь утра с ужасным похмельем и заказывает чашку кофе и булочку, словно какой-то засратый французишка! Прости, Господи.

Иеремия засмеялся, но остатки похмелья быстро поставили его на место, оставив лишь улыбку на его лице. Бормотавший пьяница вздрогнул от этого смеха, но этого оказалось слишком мало, чтобы окончательно отвлечь его затуманенный разум от стены.

— Пока что мне хватило и вчерашнего.

— Понимаю, понимаю. Любой другой на твоём месте уже давно бы распрощался с жизнью, а ты вот он — сидишь, как огурчик. Помнишь, как добрался до дома?

— Нет, — признался Иеремия.

— Ну ещё бы. Глупый вопрос, конечно. Вот те двое, — Виктор указал сперва на одного из спящих, что ближе к выходу, а после на того самого, бормотавшего бессвязные слова, — утащили тебя ближе к ночи. Благо до этого ты растрепал где живешь, приглашая всех выпить. А ты, судя по всему, как проспался, так сразу и вернулся.

«Ну вот. Пытаясь разузнать то, что нужно мне, — в итоге рассказываю всё о себе. Заходили они в квартиру? Видели стену? Надеюсь, нет. А если да — возможно не помнят или не придали этому значения. Хотелось бы верить».

— Удивляюсь я тебе, — продолжал Виктор.

— Это почему же? — выкинув вопросы без ответов из головы, вернулся к разговору священник.

— Ну как это, — он пожал плечами. — Твоему положению, которое никак не вяжется с тем, сколько ты выпиваешь ежедневно.

Иеремия открыл было рот, после нескольких мгновений раздумья, но хозяин заведения вскинул руки, останавливая его объяснения, которых, по правде говоря, и не существовало.

— Но лишних вопросов я не задаю. Не моё это дело. Мне даже это на руку. Как я уже говорил — ты единственный, у кого есть чем платить, — он с улыбкой подмигнул. — И пока такой человек, как ты, в такое непростое время для всех нас, решает пить до потери пульса — моё дело предоставить стакан и вовремя наполнять его тем, чем пожелаешь. Так что если ты говоришь — кофе, — то будет тебе кофе. Говоришь — булку, — будет тебе и булка. Дай мне пару минут.

Виктор ушел на кухню, через дверь позади него и загремел посудой так, словно готовился принимать в своём заведении не меньше десятка голодных, страждущих людей. Иеремия ждал, разглядывая все, что попадет ему на глаза. За его спиной один из спящих громко захрапел, а бормочущий, до сих пор не устал и не свалился под тяжестью выпитого, продолжая повторять одному ему известное заклинание. Виктор вернулся, как и обещал, спустя неполных пару минут и поставил перед священником большую кружку черного, исходящего паром кофе и небольшую булочку, которую можно было встретить в любом близлежащем магазине (и которая стоила там, к слову, в три раза дешевле, чем здесь).

— Дополнительная порция кофе за счет заведения, отче, — сказал Виктор, указывая на размер кружки. — Хотелось еще бутерброд сообразить, но вышла заминка. Хлеб еще неделю назад превратился в камень, который способен Голиафа завалить, не меньше, а от колбасы идёт странный душок. Так что, я не рискнул. А вот булка вполне приличная. Надеюсь, подойдет.

— Подойдет, спасибо, — кивнул священник. — И не называй меня отче, я же просил. У меня есть имя. Помнишь его? — он пододвинул кружку поближе и чуть склонился над ней, вдыхая не слишком приятный аромат.

— Конечно помню. Такое разве забудешь? Извини, конечно, но такое имя редко встретишь в наших краях. Да и в других, думаю, дела не иначе обстоят. И кто тебя только так назвал...

— Когда-то давно, как в старой сказке, словно в прошлой жизни, меня звали не менее редким именем. Ерёма. А вот имя Иере...

Виктор разразился смехом, прервав священника на полуслове. Бормочущий вновь содрогнулся от чуждого ему звука, но это осталось незамеченным.

— Ерёма! Ты уж прости меня, за такую реакцию, но какого чер... — Виктор осекся, вспомнив, кто перед ним. — Какого хрена давать такие имена, которые вышли из обихода еще в позапрошлом столетии?

— Мне-то откуда знать? Какое имя дали, такое и ношу. Выбирать не приходилось. Иеремией меня нарекли, после крещения. В тот день, когда я принял сан. Думаю, в моем положении, лучше быть Иеремией, чем Еремеем, — он осторожно отхлебнул горячий кофе и передвинул тарелку с вялой булочкой от правой руки к левой.

— Даже и не знаю, как это все назвать, — Виктор развел руками и уселся на свой стул, на котором дремал меньше получаса назад. — Просто заметил, что в последние пару лет, все будто с ума сошли. Нашли где-то у своих прабабок древние книги с чудными именами, распространили все это между собой и создали настоящий БУМ! Улицы наводнили дети, которые их недалекие родители окрестили Архипами, Феодосиями, Евдокиями, Антипами, Марфами, Елисеями и, не принимая на свой счет, Ерёмами. И это еще не самые ужасные имена, которые я слышал! Нет, конечно, это наша история, наши, чисто русские имена, но ведь они остались за гранью прошлого столетия. Так почему бы им там и не оставаться? Представь: Феодосий Никитич, или Панкрат Степанович. Марфа Васильевна! — Виктор коротко хохотнул, стараясь не нарушать спокойствие беседы громкими звуками.

Иеремия с легким приступом осторожности прикоснулся к булке. Тверже, чем следовало, но на вид неплохая. Медленно, словно она отравлена, он поднес её ко рту. Незаметно понюхал, стараясь не оскорбить хозяина, который продолжал разглагольствовать об именах, ничего не замечая. Кислый запах лежалой колбасы впитался в неё, отчего Иеремии пришлось вновь силой воли обуздать собственный желудок. Скучный аппетит пропал окончательно, но он заставил себя откусить кусок и немедленно запить кофе, который был чуть лучше хлебобулочного изделия.

Его состояние улучшалось. Головная боль ушла окончательно, а желудок принял такой завтрак почти с благодарностью. Священник жевал и молча, стараясь не перебивать, слушал Виктора, который теперь выглядел свежим и бодрым. Для него наступила минута прозрения, которую принес трезвый человек с мозгами в голове и деньгами в кошельке. Неизвестно сколько времени он провел на своём стуле, но приход священника зарядил его необходимой энергией и открыл путь для беседы, которая пока никак не шла в нужное для Иеремии русло.

Мужчина, пытающийся заговорить стену, внезапно для всех разразился гневной тирадой нечленораздельных слов. Виктор осекся на полуслове и посмотрел за спину священника. Один из спящих поднял голову, с закрытыми глазами выражая протест заплетающимся языком.

— Заткни рот, иначе продолжать будешь на улице! — крикнул Виктор, без особой надежды.

Немедленно наступила тишина, скорее по счастливой случайности, нежели от предупреждения, которое вряд ли смогло достичь скрытого плотной пеленой алкоголя разума. Спящий вернулся в исходное положение, удовлетворившись молчанием и захрапел. Иеремия даже не обернулся, пропуская короткое представление мимо своего внимания. Булка и кофе малопомалу таяли на глазах, а Виктор продолжил собственное повествование о странных именах. И стоило отдать ему должное — диковинных, старых и полузабытых имен он назвал достаточное количество.

— А его как зовут? — спросил Иеремия, закончив свой завтрак.

— Афанасий... — Виктор просто повторил имя, произнесенное мгновение назад, пока его не прервал священник.

— Он? — Иеремия указал большим пальцем за спину, на вновь вернувшегося к бормотанию мужчину. — Его зовут Афанасий?

— А. Ты про него. Ну так это у тебя и надо спросить.

— В каком смысле — у меня?

— Ну ты неоднократно знакомился с ним и примерно такое же количество раз он выносил тебя в эти двери вперед головой, стоило тебе утонуть в рюмке.

— Ты шутишь? — ухмыльнулся священник.

— Завязывай с выпивкой — вот что я скажу тебе.

«Молодец. Возможно тебе уже давно рассказали все необходимое, а ты был настолько пьян, что просто не помнишь. Молодец! Хвалю!» — Иеремия сжал пальцы ног в ботинках.

— Ещё немного, и я, пожалуй, прислушаюсь к твоему совету.

— Ещё немного — и тебя вынесут в эти двери уже не вперед головой.

— Ладно, — священник поднял руки, сдаваясь. — И все-таки. Как его имя?

— Откуда ж мне-то знать? — удивился Виктор.

— Я так понимаю — он один из тех, кто у тебя в кармане. Точнее — в долговом списке.

А значит слева от суммы долга должно стоять имя.

— Ты прямо сыщик какой-то! Вот только не все так элементарно, как тебе кажется. Знаешь почему?

— Потому что все его долги ты записываешь на меня?

— Почти, но нет. К сожалению.

Виктор вынул из-под стола пухлую тетрадь, как фокусник, достающий из шляпы огромного кролика, и раскрыл её на произвольной странице, ближе к концу. Пробежав глазами по страницам, он перевернул несколько листов, улыбнулся и ткнул пальцем в строку.

— Пожалуйста. «Большая родинка на носу» — две тысячи триста двадцать восемь рублей.

— Подожди, — Иеремия замотал головой. — Я правильно услышал? Ты сказал «Человек с большой родинкой на носу»?

— Просто «родинка». Без слова «человек». Да, все так.

Священнику захотелось рассмеяться, но он задушил это желание в зародыше.

— Я смотрю с доверием у тебя полный порядок. Либо ты что-то умалчиваешь, либо у тебя еще большие проблемы с бизнесом, чем я думал, раз ты наливаешь в долг «родинке на носу». Не желаешь исповедаться?

— Спасибо, но я лучше воздержусь, — тетрадь захлопнулась и отправилась на свое место под барную стойку, в которой скорее всего были свои потайные ящички. — А с бизнесом огромная проблема, ты прав. Его вообще нигде не стало с тех самых пор, как... — его прервал звук открываемой входной двери.

— С тех пор как что? — насторожился священник.

Иеремия еще никогда не подбирался так близко к собственной цели, как в это самое мгновение, которое было разрушено не вовремя явившимся пришельцем. Все его наводящие вопросы до сих пор оставались без ответа, и Иеремия только укреплялся во мнении, что абсолютно любой житель этого городка знает все, что ему необходимо. Знает и ревностно охраняет эту тайну от чужаков, не давая слабину.

— Виктор, — привлекал к себе внимание священник. — Что случилось?

Но Виктор уже не смотрел на сидящего перед ним Иеремию. Он встал, чтобы поприветствовать очередного клиента.

— Подожди. У меня наконец-то появился новый посетитель, — шепнул он и повысил голос, произнося. — Доброго утра!

— Доброго. Господи. Здесь кто-то сдох?

Не то приветствие, которое хотелось бы услышать в половине восьмого утра дождливого, мрачного дня, но гораздо более приближенное к самой действительности этого дня, ничем не отличающегося от предыдущих.

— Кроме надежды, здесь еще никто не умер, насколько мне это известно, — со своего места ответил Иеремия, по-прежнему не сводя глаз с Виктора.

— А с ними все в порядке? — вошедший мужчина оглядел сонное царство, царившее на столах.

— Им гораздо лучше, чем нам с вами. Вы уж поверьте мне на слово. И раз на то пошло, то приношу свои извинения за запах, который к большому сожалению въелся в помещение глубже, чем мне бы того хотелось, — Виктор натянуто улыбнулся, не привыкший, когда его кафе так оскорбляют. В другое время, он бы предложил проваливать отсюда, но теперь, стоя на грани разорения, погрязший в Бог знает каких долгах, он вынужден улыбаться каждому, кто мог платить. — Чего изволите?

— Все, чего я хотел, зайдя сюда — отчего-то, вдруг, перехотел, — мужчина подошел к стойке и занял стул справа, поближе к Иеремии. — Не возражаете, если я присоединюсь к «живому уголку»? — он коротко хохотнул, глядя на соседа и закашлял.

Священник посмотрел на помешавшего гостя. Выцветшая коричневая кожаная куртка блестела в полумраке кафе, как новенькая. Уличный дождь покрывал её прозрачной пленкой, пытаясь проскользнуть во все образовавшиеся от старости трещины. Старая, замыленная черная бейсболка, так же безнадежно сырая, легла на стойку, козырьком к своему хозяину, открыв его такие же черные, как и головной убор, сальные волосы, подернутые лёгкой седinou. Синюшные мешки под глазами и недельная щетина с головой выдавали его как дальнобойщика. Короткий сон в кабине, краткие перерывы на обед в первой попавшейся придорожной закусочной, экономия на гостиничных номерах — все, для того, чтобы не только успеть вовремя в конечный пункт, но и приехать чуть раньше. Он ничем не отличался от любого другого водителя фуры, бороздящего разливающийся по просторам необъятной страны, асфальт, кроме разве что шрама, протянувшегося от мочки левого уха до середины небритой щеки.

— Присаживайтесь там, где вам будет угодно, — Виктор относился к нему так, словно сам министр экономики приехал для того, чтобы поддержать его малый бизнес.

— Пожалуй, начнем с чашки самого крепкого кофе, на который здесь способны, — дальнобойщик посмотрел на Виктора. — А дальше — посмотрим. Если привыкну к царящим здесь ароматам, тогда может и поедим что-нибудь. Если, конечно, пообещаете, что продукты пахнут свежестью, — он хохотнул, проводил взглядом Виктора, скрывшегося за дверью кухни, и шепотом обратился к Иеремии. — Здесь всегда так воняет?

Священник молча пожал плечами. Он не горел желанием позволить втянуть себя в беседу, которая не принесет ему никакой пользы. Водитель сверлил его глазами несколько секунд и, сдавшись, оглянулся, осматривая каждого, кто был за спиной, так, словно пытался запомнить все до мельчайших подробностей.

Хозяин заведения вернулся через несколько минут, неся с собой небольшую (как для всех остальных посетителей) кружку горячего кофе. Он поставил её перед новоприбывшим, не забыв подложить под неё салфетку.

— Пожалуйста.

Дальнобойщик смерил взглядом маленькую белую кружку, посмотрел на большую кружку Иеремии, перевел взгляд на Виктора, который невинно улыбался, но не сказал ни слова относительно несоответствия размеров. Наклонившись над напитком, он втянул носом поднимающийся пар и удовлетворенно крякнул. Тихонько подув, водитель сделал первый глоток и кивнул.

— Это я одобряю, — вынес он вердикт, поставил кружку обратно на салфетку, развернулся спиной к священнику и указал на бормочущего. — Уверены, что с ним точно все в порядке?

— Более чем. Как я уже говорил — им всем гораздо лучше, чем мы можем себе представить. В этом состоянии, в котором они находятся, конечно. И их эйфория продлится столько, сколько выпитые дозы спиртного продержатся в их крови.

— Просто конкретно он выглядит так, словно у него это самое, — дальнобойщик pokrutyл указательным пальцем у виска.

— Ну, если вы начнете пить столько же, сколько и он, то такой исход для вас будет самым лучшим. Но давайте о другом. Каким ветром вас занесло к нам, если позволите узнать?

Иеремия отключился от прослушивания разговора в середине рассказа дальнобойщика о сбое навигатора как только машина въехала в пелену густого тумана. Сделав последний глоток уже остывшего кофе, он неосознанно принялся крутить кружку в руках, раздумывая о собственном положении. Все, чего он добился за проведенное здесь время — это начало того, что он хотел услышать, сорванное, сидящим рядом, водителем большегруза. Не было ни единого шанса, что после его ухода разговор вернется к этому моменту. Не исключено, что и сам Виктор был причастен к тому, что следует исправить священнику, однако, следуя этой логике — напрашивался вывод, что все, с кем беседовал Иеремия — замешаны в этом. Тайна не уменьшилась с его приездом. Наоборот, она разрасталась до немыслимых размеров, становясь слишком явной, чтобы не заметить её.

Снаружи раздался треск — молния ударила, вероятно, в ближайший столб, а следом за ней пророкотал гром. Ленивый дождь уступил место ливню, принявшемуся со всей силы барабанить по крыше кафе. Иеремия вздохнул и поставил кружку на стол. Желудок недовольно заурчал. Съеденная булка лишь подстегнула аппетит, окончательно пришедшего в себя священника. Но как бы сильно ни мучил его голод — он не решился бы обедать здесь на трезвую голову. В этом городе не портились лишь консервы, разнообразие которых он закупил достаточно, чтобы прожить без отравления.

Иеремия встал, расплатился с Виктором, который был полностью погружен в кошелек дальнобойщика, засыпая того вопросами, пересек зал (вся обстановка ни на йоту не поменялась с тех пор, как он зашел сюда час назад), накинул капюшон и вышел под ливень, накрывший мертвый город.

Глава 5

1

К дому медленно подъехал синий автомобиль малоизвестной китайской марки. По крайней мере, Бен, увидевший его первым из окна кухни, так впоследствии и не смог угадать её название. Более того — не смог разобрать ни одной из шести букв, расположенных на переднем бампере автомобиля. За рулем сидел пожилой мужчина в желтых защитных очках и не менее желтой короткой бородкой, которая никак не шла его возрасту. После минутного замешательства он вышел из автомобиля, открыл заднюю дверцу и вытащил большой длинный сверток, сверкнувший в лучах дневного солнца. Бен поспешил наружу, открыв дверь как раз перед тем, как мужчина начал подниматься по ступенькам.

— Добрый день! — улыбнулся мужчина и посмотрел на стикер, приклеенный к завернутой посылке. — Бен Камински?

— К вашим услугам, — улыбнулся Бен и кивнул.

— Хорошо, что вы дома. Дозвониться до вас я так и не смог, а оставлять посылку на крыльце, как бывало раньше, мне бы очень не хотелось, — курьер протянул сверток хозяину дома.

Бен принял долгожданную посылку. Она оказалась гораздо легче, чем он ожидал.

— Вы сказали «как бывало раньше» или мне показалось? — спросил он, слегка прижав сверток к себе, как будто в следующее мгновение курьер мог передумать и забрать его обратно.

— Да. Мне порой приходилось оставлять всю доставку прямо здесь, — мужчина указал на пустое место возле двери. — Пару лет назад здесь стояло такое старое плетеное кресло и...

— Вы знакомы с прежними владельцами? — перебил его Бен.

— В том то и дело, что нет. Знаете, большую часть своей жизни я проработал на местной почте. В мои обязанности по большей части входила доставка писем. Так или иначе, но на своём участке я знаю практически каждого жителя не только в лицо, но и по имени, а и они, в свою очередь, знают меня, но что касается прошлых хозяев этого дома...

— Если что — мы новые хозяева, — Бен опустил посылку на пол, прислонив её к стене.

— Я уже в курсе, — рассмеялся мужчина. — Слухи разлетаются быстро.

— Какие слухи? — удивился Бен.

Курьер замаялся. Не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять, о чём он подумал в этот момент. Мужчина явно мысленно отругал себя за свой длинный язык.

— Не поймите меня неправильно, но за этим домом закрепилась достаточно дурная слава, — пробормотал он извиняющимся тоном.

— Расскажите подробнее, — заинтересовался Бен. — Если, конечно, у вас есть на это немного времени.

— Будьте уверены, время у меня есть. К счастью, на сегодня — ваша посылка была последней, так что... Ладно, — мужчина протянул для рукопожатия руку. — Для начала позвольте представиться. Меня зовут Николай Веснин.

Бен пожал протянутую ладонь, кивнув.

— Бен Камински. Теперь официально.

— Да, да, — Николай опустил взгляд, словно собираясь с мыслями, после чего заговорил. — Моя история достаточно длинная, однако я постараюсь сделать её как можно короче.

— Не обязательно. Любая история должна хорошенько сдабриваться мельчайшими подробностями, которые, подобно специям в пище, только придают ей особый, неповторимый вкус.

— Кому как не вам это знать, не правда ли? — улыбнулся мужчина. — Вы же писатель.

— Откуда вы...

— Дело не в этом, — прервал его Николай, качая головой. — До этого мы с вами еще дойдем. Дело в том, что если я начну сдабривать собственную историю желаемыми для вас деталями и красками — я рискую задержаться здесь до полуночи, утомив не только себя, но и вас. Так что я постараюсь рассказать всё как можно короче.

— Хорошо, — согласился Бен.

— Как я уже упомянул — большую часть жизни я проработал на местной почте. Доставка писем — было одним из моих любимых занятий. Люблю знаете ли общаться с бумагой, если можно так выразиться. Порой, за неимением у хозяев почтового ящика, а такое случается, мне приходится стучать в дверь и передавать письма, газеты и все остальное, что приходит на тот или иной адрес, лично в руки. Конечно, мне открывали двери не всегда. Зачастую, хозяева были на работе в те моменты, когда я приходил к ним, но так или иначе каждый из них рано или поздно оказывался дома. Таким образом вполне можно утверждать, что я знаю всех. Всех, за исключением прошлых хозяев этого дома, — Николай обвел взглядом крыльцо, пытаясь восстановить в памяти каждую деталь его обстановки трехгодовой давности. — Здесь, прямо возле двери, стояло старинное плетеное кресло. Оно и заменило мне необходимый почтовый ящик. Диву даюсь от того, что человек, ожидая еженедельную корреспонденцию, не только не заведет свой собственный почтовый ящик, но и ни разу не откроет дверь почтальону, принесшему её ему. Так что каждый раз мне приходилось укладывать все письма и газеты, направленные по этому адресу, в это самое креслице, прижимая все большим камнем, неизменно оказывающимся подле него.

— Вы хотите сказать, что кроме писем, невидимый владелец этого дома был подписан на разнообразные газеты? — уточнил Бен.

— Да, но только на одну. Местный еженедельник новостей, прекративший собственное существование в печатном варианте чуть более года назад.

— Так а в чем странность того, что вам приходилось оставлять почту на пороге? Думаю, по собственной должности вы знаете, что существуют так называемые затворники, отшельники, либо люди, чьи умственные способности или собственное психическое состояние не дают им идти на контакт с любым человеком, кем бы он ни являлся.

Николай улыбнулся, поправил очки.

— Наверное, то, как я доставлял всю необходимую корреспонденцию, странно лично для меня, однако, дело было совершенно не в этом. В этом, конечно, но...

— Я ничего не понимаю, — покачал головой Бен. — В чем же тогда было дело?

Курьер вздохнул.

— Дело было в самом доме.

— В доме? А что с ним не так? — удивился Бен.

— Я не любил приезжать сюда. К большому сожалению — этот адрес был закреплен за моим участком, так что от этого мне было не отвертеться. Конечно, были исключительные случаи, когда всю необходимую корреспонденцию доставлял кто-нибудь другой, однако, после этого — он наотрез отказывался проделывать это повторно. Так что, мне не предоставлялось иного выбора, кроме как выполнять собственную работу, как бы сильно мне ни претила мысль об этом. Каждый раз, приезжая сюда, я чувствовал нечто... Дурное. Я не могу полностью выразить собственные мысли, но мне всегда казалось, будто дом этот — не от мира сего. Словно он населен призраками, имеет скверное прошлое, либо находится за гранью того, что мы привыкли называть «естественным положением вещей».

— Вы говорите о пресловутом шестом чувстве, которое порой зудит у нас в затылке?

— Именно! — почти воскликнул Николай. — Понимаете... До сих пор не было ни единого подтверждения тому, что здесь, конкретно в этом доме или в окрестностях близ него,

случилось нечто из ряда вон выходящее, но именно то самое шестое чувство, о котором вы упомянули, отваживает от этого места. И в этом соглашаются все, кто так или иначе приближался к этому дому. Конечно, не исключено, что всё это ничто иное как досужие сплетни и домыслы, ведь наш городок не слишком велик, чтобы обходить стороной подобные суеверия, но мне, тем не менее, не по себе даже сейчас. Сейчас, в этот самый момент, даже несмотря на то, что наш разговор располагает и увлекает.

— А те самые слухи, которые гуляют в городе, основываются на чём-либо еще, кроме этого самого чувства? — Бена всегда интересовали подобные истории. В конце концов он прочно обосновался на нише мистической литературы, так что любая городская легенда, слух или небылица — была подобна зерну, из которого порой вырастал прекрасный роман. А тот факт, что в настоящее время он является владельцем дома, о котором ходит множество нелицеприятных слухов его нисколько не волновал. Главное — чтобы Маргарита была в неведении как можно дольше. — В том смысле, что может кто-нибудь видел или слышал здесь нечто необычное?

Николай задумался. Поскреб свою маленькую бородку. Бен заметил, как два маленьких волоска выпали и, кружась в воздухе, мягко спланировали на дощатый пол крыльца.

— Не берусь утверждать наверняка, но мне кажется, что кто-то рассказывал о том, будто бы слышал некие странные звуки, идущие со стороны вашего дома, — наконец произнес он.

— Ну-у-у... — разочарованно протянул Бен. — Этого недостаточно.

— Да, я согласен, но это все, что я могу вам рассказать, — Николай пожал плечами. — Кроме одной маленькой детали, в которой я удостоверился лично.

— Какой? — Бен слегка наклонился в вернувшемся предвкушении.

— До сих пор я не встречал в округе ни единого животного. Ни одной птицы. Никакого намека, будь то звуки, перья, следы или даже само дерьмо на дороге.

На минуту, словно по сговору, оба замолчали, направив свой взгляд на дорогу, уходящую прочь от дома. Оба прислушались. Через несколько секунд, после начала молчания, Бен был готов поклясться, что услышал далекое пение неизвестной птицы, но чем дольше он вслушивался в этот звук, тем сильнее уверялся в том, что подобный скрип не принадлежит живому существу. Скорее — двум деревьям, трущимся друг об друга стволами, под напором сильного ветра. Хотя не было ни единого намека на сколько-нибудь слабый ветерок.

— Вряд ли это что-нибудь значит, — нарушил молчание Бен.

Николай чуть заметно вздрогнул, выныривая из нависшей тишины, повернулся к хозяину дома, пожал плечами. Скорее — нервно дернул плечами, так, словно был не согласен.

— Возможно, — ответил он наконец. — В любом случае, на досуге, прислушивайтесь к звукам природы. В конце концов я бываю тут не так часто, а вы тут живете. Думаю, я, как и многие остальные, ошибаюсь в этом отношении и здесь все хорошо, — Николай не верил ни единому собственному слову, произнося их, скорее из появившегося уважения к новому владельцу.

— Посмотрим, — кивнул Бен, окончательно разочаровавшись в этой многообещающей истории. — Но ничего обещать не могу. В конце концов мне кажется, что все это не более чем слухи, основанные на том, что кто-то что-то где-то ляпнул, не подумав, либо решив просто пошутить.

Бен знал, что как только разговор закончится — он напрочь забудет о всех обитающих или не обитающих вокруг дома животных, птиц и прочих земных тварей, издающих какие-либо звуки. Мысль о некоторых признаках присутствия в доме, или близ него, крыс, Бен отбросил сразу. Даже если они действительно шныряли вокруг, то не стоило упоминать об этом, иначе в городе бы поселился новый слух. Гораздо хуже, чем предыдущие.

— Возвращаясь к началу нашего разговора, — продолжил Бен, не дав возможности Николаю продолжать уже наскучившую тему небылиц, — вы упомянули о том, что я писатель. Так откуда вы это знаете?

— Ну как же не знать! — удивился Николай, уставившись на Бена. — Я же говорю, что слухи разносятся у нас быстро. Даже слишком. А новость о том, что в наши окрестности заезжает на постоянное место жительства достаточно знаменитый писатель, да еще заселяется не абы куда, а именно в этот дом, сродни водородной бомбе, упавшей на здание городского совета.

Бен стрельнул взглядом за спину Николая, словно ожидая, что в этот момент на дороге появятся толпы фанатов его историй с единственной целью — разрушить все его надежды на мирную и спокойную жизнь. Этот взгляд, а возможно и испуганное выражение лица писателя, не ускользнули от Николая.

— На вашем месте я бы не стал беспокоиться, — курьер покачал головой. — Можете мне поверить, что никто не станет нарушать ваш покой здесь. И не потому, что вы живете в этом доме.

— Тогда почему? — спросил Бен, намереваясь сказать вместо этого: «Очень рад это слышать».

— Сколько вы уже здесь? Две недели? Три? И до сих пор, кроме меня, вас так никто и не побеспокоил, не так ли?

Бен молча кивнул.

— И я уверяю вас — так останется и впредь, если не случится, так сказать, никаких форс-мажоров. Дело в том, что ваша персона, так или иначе придает значительный вес нашему городку. Даже оставаясь в тени, вы делаете для нас гораздо больше в плане значимости на карте нашего края. Тот город, в котором живет знаменитость — примечателен во многих отношениях, главное из которых — его финансирование. Так что, для нас нет никакой выгоды в том, чтобы вы устали от назойливости всех желающих получить автограф на вашей территории душевного равновесия. Поэтому — вам нечего опасаться за спокойствие и неприкосновенность ваших границ. Другое дело — если вы появитесь в городе, — Николай усмехнулся.

— Я уже был в городе. И не видел никакого ажиотажа вокруг собственной персоны.

— Значит — вам просто повезло. Со своей стороны скажу лишь то, что знаю достаточно весьма образованных людей, не только читающих ваши книги, но также и знающих вас в лицо!

— А как насчет вас?

Николай развел руками, широко улыбнувшись при этом.

— Не скажу, что я ваш самый преданный читатель, но тем не менее, меня очень интересует, когда наконец выйдет ваш новый роман, который, как многие из ваших читателей знают, уже написан.

Мысль, посетившая в этот момент Бена, была не более чем кратковременным соблазном. Обычно, он отвергал подобные наития с легкостью, но теперь, решил поддаться ему и, произнеся короткое: «Подождите секунду», скрылся за дверью. Секунда растянулась практически на пять минут, но за все это время Николай практически даже не шелохнулся.

Наконец, Бен вновь вышел наружу и без лишних церемоний протянул курьеру книгу.

Николай молча посмотрел на неё. Сейчас он был, скорее, похож на первобытного человека, которому впервые показали что такое огонь.

— Ну же, берите. Это подарок. И можете мне поверить, что я не часто так делаю. Считайте это залогом хороших отношений, ведь по долгу службы вы будете изредка наведываться в этот дом. Так что берите, — сказал Бен, чуть тряхнув книгой.

Мужчина протянул руку, молча принял подарок, взглянул на обложку.

— Я даже не знаю, как вас благодарить, — с трудом проговорил Николай, справляясь с приятным шоком. — Когда я спрашивал вас о книге, я совсем не намекал на то...

— Я понимаю, — перебил Бен. — Тем более, что вы не могли знать о наличии нескольких экземпляров в моем доме. И не стоит благодарностей. Не принимайте на свой счет, но иногда случается так, что большинство присланных издательством копий не покидают стен моего скромного жилища, где бы я ни жил в этот момент. Так что, я рад, что вы оказались в числе тех, кому я могу подарить еще не вышедший роман. Однако, могу я попросить вас кое о чем?

— Все, что угодно! — выпалил мужчина, оторвав, наконец свой взгляд от неожиданного подарка.

— Никогда не соглашайтесь сразу на то, что еще не озвучено вслух! — засмеялся Бен. — Но тем не менее, когда прочтете книгу — больше никому её не давайте. Чем больше человек прочтет роман до выхода — тем меньше я продам экземпляров и, соответственно, тем меньше будет моя зарплата.

Хрупкое молчание, установившееся между ними, вновь было разбито смехом писателя.

— Шучу. Конечно же я шучу. Теперь это ваша книга и вы вольны делать с ней все, что вам будет угодно, — сказал он, добродушно похлопав нового знакомого по плечу.

Пересохшие губы Николая медленно растянулись в улыбке.

— Вообще-то, — сказал он, — я подумал о том, что сама мысль о передаче кому-либо подобного подарка, даже на краткое время, кощунственна, и следует обходить её стороной. Книга, подаренная самим писателем — подобна музейному экспонату. Она — неприкосновенна.

— Хорошо, хорошо! Тогда обещайте мне другую вещь. Прочтите её, а не просто закиньте в стеклянный ящик, любуясь ей по праздникам. Даже самая плохая книга достойна того, чтобы её прочли.

— Обязательно прочту, можете не сомневаться! — словно в подтверждении собственных слов, Николай откинул обложку книги и прочитал на форзаце краткое послание, предваряющее стандартную надпись «С наилучшими пожеланиями» и размашистый автограф Бена: «*Страхи, суеверия и предрассудки — есть не более чем плод нашего воображения. И только сила человеческих мыслей создает из них реальность*». — Но после прочтения её все-таки будет ждать свой собственный стеклянный ящик, установленный на самом видном месте в моей маленькой квартирке.

— Как скажете. Надеюсь, вам понравится, — согласился Бен.

— Думаю, что так и будет. Второй раз за неделю держу в руках еще не вышедший роман, а такое чувство, будто...

— Второй раз? — спросил Бен.

Николай посмотрел на писателя, не понимая, о чём он говорит.

— Вы сказали, что держите эту книгу второй раз за неделю? — повторил Бен.

— Да, — кивнул наконец мужчина.

— Но... Она ведь еще не вышла в продажу... Так как это вышло, что...

— О! — воскликнул Николай, поправив давно сползшие на кончик носа очки. — Ну да, все верно. Второй раз. Несколько дней назад, на почте, мне довелось принимать и готовить к отправке точно такой же экземпляр от вашей жены. Признаюсь, я еле удержался от искушения раскрыть книгу и прочитать хотя бы несколько начальных строк, чтобы узнать, о чём она.

— А как вы узнали, что отправлявшая её женщина — моя жена?

— Так... — замешкался Николай. — Как же... Фамилия ведь...

— Точно, точно, — закивал Бен. — А фамилия получателя тоже... Камински?

— Конечно, — медленно кивнул Николай, осознав, что сейчас явно сболтнул лишнего.

— Я так полагаю, что раскрыл некий секрет, о котором вы ничего не знали?

— Нет, нет. Ничего страшного, — проговорил Бен, в глазах которого заблестел огонёк злости. — Вы мне не раскрыли ничего сверхъестественного. Конечно, я об этом знал. Догадывался, — последнее слово он прошептал, словно обращаясь к самому себе. — Дел просто

навалилось столько... Ну вы понимаете. Всего не упомнить. Бесконечный переезд, горы вещей и все в этом духе.

— Понимаю, — солгал Николай, вцепившись в книгу, словно в спасательный круг. Он закрыл её и прижал к груди, словно только она одна могла спасти его от нарастающего в собеседнике гнева. — И тем не менее, я прошу прощения.

— За что же? — спросил Бен.

— Хотя бы и за то, что проговорился о том, чего не должен был говорить даже вам.

— Я вас прощаю, — отстранённо кивнул Бен, явно занятый уже своими собственными мыслями.

— В таком случае, позвольте поблагодарить вас еще раз за такой подарок и беседу, которая, надеюсь, была не последней. И мне... — внутри мужчины все сжалось от страха. Чувство это показалось ему инородным и безосновательным, даже несмотря на то, что своим открытием он пробудил в душе хозяина дома гнев. Николай не испытывал страх перед стоящим напротив него человеком. Скорее, это было нечто бессознательное. Затылок загло, словно незримый третий, прятаясь среди деревьев как позади него, так и вокруг одновременно, следил за ними. — И мне уже пора, так что...

— Хорошо, — Бен не стал дожидаться, когда курьер окончательно сформирует свои мысли, и протянул руку.

Николай поспешно пожал её и, развернувшись, быстрым шагом направился к своему автомобилю. Открыв дверцу, он в последний раз бросил взгляд на крыльцо. Бен уже скрылся за дверью, забрав доставленную посылку.

Затылок опалило огнём. Мужчина обернулся, всматриваясь в деревья, до боли напрягая уставшее за целый день зрение. Не заметив ни малейшего движения в безветренный погожий день, Николай уселся за руль, быстро, но бережно положил подаренную книгу на соседнее сиденье и дрожащей рукой вставил ключ в замок зажигания.

— И все равно, здесь есть что-то, — пробормотал он, запустил двигатель и слишком поспешно рванул машину с места, уходя в разворот, оставляя после себя высоко поднимающийся шлейф пыли.

2

Маргарита облегченно вздохнула, отправив последнее электронное письмо. На нем завершился список необходимых дел на сегодня. Рассылка приглашений на новоселье стояла последним пунктом. И каждое письмо было оригинальным. Марго не любила делать рассылки одинаковых текстов. Родственников, как таковых, не было ни у Бена, ни у Маргариты, так что список гостей ограничивался близкими друзьями и коллегами по издательству. Всего около десяти человек. Не слишком много, но этого было вполне достаточно. К тому же, Маргарита заранее обсудила всех гостей со своим мужем, который вносил свои правки.

Все, что можно было сделать по дому — было выполнено в самый кратчайший срок. Придомовая территория — отдельное занятие, которое потребует гораздо больше времени и сил. Так что они решили не тянуть с празднованием новоселья. Марго до сих пор привыкала к этому особняку, но решила также не откладывать этот маленький праздник. В конце концов, кто-то из друзей мог обидеться. И не верьте тому, кто говорит, что он не обижается. Даже если этому человеку перевалило за пятьдесят. Или, скорее, особенно, если этому человеку за пятьдесят. Его обида — гораздо страшнее, чем в детстве. С этого самого дня он только и будет ждать повода для маленькой, греющей душу мести, будь то вежливый отказ при следующем приглашении, либо дешевое кислое вино, которое придется пить и с тяжелой улыбкой нахваливать его невероятный букет. Так что, откладывать с подобными маленькими празднествами никогда не следовало.

Маргарита закрыла ноутбук и подумала о своей дочери. Сердце сжалось, от осознания того, что Катрина никогда не получит даже такого «сухого» приглашения, словно она не часть семьи. Надежда на то, что Бен смягчится по отношению к ней, с каждым годом таяла все быстрее. Хорошо хоть смогла отправить книгу с коротким письмом. А завтра, она обязательно позвонит, пообещала сама себе Марго. Позвонит, чего бы ей это ни стоило.

Закрыв ноутбук, она вышла из-за стола и выглянула в окно как раз в то самое мгновение, когда некий мужчина с продолговатым свертком в руках подходил к ступеням, ведущим на крыльцо. Его лицо показалось ей каким-то знакомым, так что Маргарита уже вознамерилась выйти к нему, но тут же услышала, как хлопнула входная дверь. Бен опередил её.

Через несколько минут её муж кратко постучал в дверь её кабинета, после чего практически мгновенно открыл дверь, не дожидаясь разрешения.

— Присланные экземпляры нового романа у тебя? — спросил он, просунув в дверной проём лишь голову.

— У меня, — кивнула Марго. — В коробке, — она указала рукой на единственную оставшуюся коробку с книгами, которым в данный момент еще не был определен хозяин. — Зачем тебе?

— Потом объясню, — Бен быстро вошел в комнату, открыл коробку и вынул свой новый роман. Кинув взгляд на рабочий стол Маргариты, он кивком указал на него, спрашивая, — не возражаешь, если воспользуюсь твоим рабочим местом?

— На здоровье, — пожала плечами Марго, не сводя взгляда с мужа.

Бен схватил со стола ручку, откинул обложку книги и, усевшись поудобнее, старательно написал несколько строк на форзаце, чуть выше уже написанных пожеланий и автографа. Маргарита редко видела мужа таким вдохновленным и, при этом, не запертым в собственном кабинете.

— Спасибо, — бросил он и стремительно вышел из комнаты, не забыв, однако, закрыть за собой дверь.

Прошла еще пара минут, прежде чем Маргарита увидела, как мужчина поспешно возвращается обратно к автомобилю. Она вышла из кабинета, спустилась на первый этаж и застала Бена стоящим в холле.

— Кто это был? — она опустила свой взгляд с возбужденного и раскрасневшегося лица мужа, на сверток, который он держал в руках. — Доставщик? Пришел твой металлоискатель? — теперь она вспомнила, где видела этого мужчину и пальцы ног невольно сжались в напряжении.

— Сколько экземпляров нового романа ты уже успела отправить? — спросил Бен, оставив её вопросы без ответа.

Маргарита вздохнула. За мгновение до его вопроса она поняла, что нет смысла лгать.

— Одну. Я отправила её нашей дочери, — призналась она, тем не менее, не отводя взгляда.

— Зачем?

— Ты прекрасно знаешь зачем!

— Иногда мне кажется, что только лишь затем, чтобы разозлить меня, — пальцы его сжались на свертке так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он обошел Маргариту, словно стараясь избежать того, что может произойти в следующие секунды и направился в гостиную. — Почему? — бросил он на ходу. — Почему нельзя сделать все так, чтобы я этого не знал? Чтобы никто, кроме тебя и неё, этого не знал! Ты как будто и не стараешься скрыть того, что постоянно контактируешь с ней! Я же тебя просил, предупреждал, чтобы ты ничего ей не отправляла! Так почему ты делаешь все с точностью наоборот? — Бен тяжело опустился на диван, положил посылку перед ногами на пол и, сцепив руки в замок, слегка наклонился вперед, принимая напряженную позу заряженной пружины.

— Тебе пора привыкнуть к мысли о том, что обрывая все контакты с кем-либо, не стоит ждать, что все остальные сделают то же самое. Сколько подобных разговоров у нас было? И чем заканчивался каждый из них? — Марго, проследовав за мужем, встала у окна, которое выходило на запущенный задний двор. — Рано или поздно нам придется разобраться с этим раз и навсегда. Мне надоело ругаться и спорить по этому поводу. Мне надоело пытаться скрыть от тебя правду, которую ты неизменно узнаешь от кого-либо другого. Мне надоело, что ты так легкомысленно отказываешься от единственной дочери.

— Она мне не дочь! — крикнул Бен, сжавшись еще больше.

— Никогда не говори так! — Маргарита резко развернулась и подошла к мужу. — Слышишь меня? Это был последний раз, когда ты произнес подобные слова!

Бен молчал.

— Она твоя дочь! — продолжила Марго. — И твоей останется навсегда. Хочешь ты этого или нет. Ты дал ей свою жизнь, так что не спеши забирать те жалкие остатки, что еще остались при ней. Ты и без этого отобрал у неё все, что мог, — Маргарита опустилась на колени, едва не встав на посылку. Она отодвинула её в сторону и накрыла своими руками руки своего мужа. — Мы трое — единственные близкие друг другу люди. Миллионы твоих самых преданных поклонников никогда не заменят тебе её одну. Можешь злиться сколько душе угодно, но этим ты ничего не изменишь. Ты ведь это понимаешь?

Бен не ответил, не поднял взгляд. Лишь еще сильнее сцепил свои ладони, словно стараясь не пропустить ни единого умиротворяющего слова супруги.

— Думаешь я никогда не понимала твоих чувств? Думаешь, я никогда не хотела пойти по тому пути, который избрал для себя ты? — прошептала она.

Бен поднял свой взгляд, услышав эти слова и внимательно посмотрел в глаза жены.

— Ты серьезно думаешь, что я никогда не злилась на неё? Та ситуация, в которую она поставила нас обоих, не случается на каждом переломном моменте в каждой семье. Наша ситуация — иная. И справляться с ней нужно, не прибегая к стандартным методам разрешения

конфликтов. Мне было тяжело. По большому счету — даже тяжелее, чем тебе. Потому что я выбрала сложный путь, стараясь справиться с собственным гневом, разочарованием и отречением. И до сих пор мне приходится придерживаться этого, балансируя на грани между ею и тобой, потому что вы оба — все, что у меня есть.

— Почему ты так говоришь? — прохрипел Бен, к горлу которого подкатил комок.

— Можешь сказать, сколько времени прошло с тех пор, когда Катрина начала жить отдельно?

— Не произноси её име...

— Катрина! Её зовут Катрина! — Маргарита сжала ладони мужа сильнее, словно боясь упустить его. — Мы оба дали ей это имя после долгих споров. И ты настаивал именно на этой вариации имени Екатерина. Ты помнишь? Скажи мне, ты помнишь это?

Бен молча кивнул. Ярость в его глазах медленно сходила на нет. Её место медленно занимала боль.

— Тогда ответь, сколько времени прошло с той поры, когда Катрина уехала от нас?

— Года два-три, — пожал плечами Бен.

— Пять лет. Пять! И ты думаешь, что в течение этих пяти лет мне было легко сдерживать собственные мысли при себе? Ты удивишься, когда я скажу тебе, что я зла на неё гораздо сильнее тебя? — она помолчала, но ответа так не дождалась. — Так что не стоит думать, что своим выбором она нанесла вред только тебе и только ты имеешь право злиться на неё. Я зла — не меньше, но это не означает того, что я должна бросить её и забыть, оборвав любые связи. Потому что истинную любовь нельзя выжечь из себя. Наверное, по этой причине многие родители наркоманов, убийц, насильников и прочих криминальных лиц — продолжают любить своих детей даже в тех условиях, когда весь остальной мир ненавидит их, желая им смерти.

Маргарита встала, отпустив руки мужа. Она возвышалась над ним словно непоколебимая скала, о которую разбиваются все корабли, ветра и доводы.

— Я понятия не имею, сколько еще раз мы будем говорить о нашей дочери, но хотя бы теперь ты будешь знать, что все испытываемые тобой чувства — я прошла, оставив их позади. Катрина — все, что у нас есть. И когда в следующий раз ты узнаешь о том, что я как-либо контактировала с ней — помни об этом. Ты в своем праве не разговаривать с ней и не приглашать в наш дом, но тот факт, что она является частью тебя — ты не исправишь уже никогда. Ты меня понимаешь?

Бен молча кивнул.

— Я сейчас вернусь в свой кабинет, доделаю некоторые дела. А когда выйду — предлагаю сделать вид, что ничего этого не... — произнесла Марго, практически перейдя на шепот.

— Не надо, — сказал Бен и посмотрел на свою жену.

Маргарита заметила, как маленькая серебристая капля слезы выскользнула из уголка правого глаза и прочертила короткую линию до середины, тронутой щетиной щеки. Всего одна маленькая капля, которая так требовалась Маргарите для того, чтобы понять, что если подобные разговоры не закончились навсегда, то хотя бы установили достаточно продолжительную для этого паузу.

Тыльной стороной ладони Бен небрежно размазал серебристую дорожку слезы по лицу и чуть заметно покраснел, испытывая искушение отвести взгляд. Но не отвел.

— Хорошо, — кивнула Маргарита и уселась рядом с ним на диване.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, что мне следует говорить, а что нет, но... Предлагаю на этот раз вырезать из нашей жизни последние несколько минут. Вырезать все, кроме твоих слов, — проговорил он, дернув руками, которые опять хотели закрыться в замок. Но не закрылись. — Когда-нибудь я пересмотрю свою позицию, оформив её в определенные слова и действия. Вполне возможно, что я познакомлюсь со словом «прощение», но на все требуется время.

— У тебя оно было всегда.

— Оно всегда у нас есть. Просто мы не умеем им пользоваться, — Бен шумно выдохнул, хлопнул ладонями по коленям, встал. — Так. Ладно, — он огляделся, словно только что очнулся от долгого сна и, приходя в себя, пытался вспомнить, где он находится. Опустил взгляд на жену. — Ты уже закончила с отправкой приглашений?

Маргарита посмотрела на него, словно была не уверена, стоит ли отвечать ему и сразу переходить на другой разговор. Секундная заминка, в которой она вела мысленную борьбу с самой собой, осталась незамеченной её мужем.

— Конечно. Отправила последнее до того, как ты заходил за книгой, — наконец сказала она.

— Опять печатала каждому индивидуальное? — он заставил себя улыбнуться уголками рта, еще раз, украдкой, проведя ладонью по уже высохшим глазам.

— Ты же меня знаешь.

— У нас есть чуть меньше двух месяцев, чтобы окончательно привести все в порядок?

— Да, — подтвердила очевидное Маргарита. В конце концов они оба определились с точной датой, выпадавшей на конец лета.

— Хорошо, — Бен кивнул. — Значит у меня еще будет время подумать и взвесить все «за» и «против».

— Какое время? Приглашения отправлены. Уже поздно что-либо взвешивать, — Марго знала, что в последний момент её муж всегда мог передумать о приглашении того или иного гостя, даже несмотря на то, что каждый человек в этом списке обговаривался тщательнее, чем того требовала его персона.

— Да я не об этом, — махнул рукой Бен и подошел к окну, разглядывая заросли одичавшего сада. — Я не об этом... — пытаюсь задавить в себе остаточный гнев, он, впервые за долгое время, вновь думал о дочери.

— Что тебе пришло? — наконец спросила Маргарита, посмотрев на сверток, по-прежнему лежащий возле дивана.

Бен обернулся.

— Металлоискатель! — он не смог скрыть собственной улыбки. — Думаю, завтра с утра я начну практиковаться с ним на открытых участках.

— Ты правда надеешься на то, что в этом Богом забытом месте найдешь сокровища?

— Именно в Богом забытых местах они и закопаны.

— Смотри, не забудь, что ты писатель, который зарабатывает на жизнь печатным словом, а не рытьем в земле. Сегодня опять начнёшь писать только после наступления темноты?

— Возможно, — пожал плечами Бен. — В моей черепной коробке зудят несколько идей, напрашиваясь на то, чтобы их побыстрее реализовали, — он не лгал, но и не выкладывал всю правду.

Бен рассказал о новой книге, в которой продвинулся уже достаточно далеко, за несколько бессонных ночей, два дня назад. По его словам выходило настолько хорошо, что того и гляди — побьет все рекорды продаж в долгосрочной перспективе. Единственное, чего не знала Маргарита — истинной причины ночной работы мужа. Обычно он писал днем, в диапазоне от одиннадцати дня до восьми часов вечера, не имея четко установленного времени. Задерживался же допоздна лишь в особенно исключительных случаях, когда *«хочется узнать, что произойдет дальше»* или когда просто *«надо»*. Теперь он начинал работу как раз перед тем как следует ложиться спать. Наверное, новая обстановка сбивала все настройки, сложившиеся в голове, решила тогда Маргарита, не придавая этому значения. Главное — её муж при любимом деле. А что заставляет его писать по ночам — новая обстановка, влияние старого дома или даже нежелание засыпать одновременно с женой — не важно. Хотя последний пункт был бы самым худшим из всех возможных.

- Ты ведь тоже нашла себе работу, не так ли? — продолжал Бен.
- Вроде того. Занимаюсь редактированием нового романа одного из моих клиентов.
- Но ты же хотела отдохнуть, разве нет?
- Хотела, но... Работа помогает отвлечься. Иногда как-то не по себе мне тут, — призналась Маргарита. — Никак не могу привыкнуть.
- Скоро привыкнешь. Я уверен.
- Скорее всего. Да и какой у меня выбор?
- Никакого, — ответил Бен и вновь улыбнулся.

3

За окном разливалась абсолютная тьма, летний пик которой приходился на половину третьего часа после полуночи. Бен сидел под лампой настольного фонаря. Теперь он использовал ноутбук, который терпеливо отстукивал клавишами, послушно отображая все на экране. За неделю он написал чуть более ста пятидесяти страниц — шутка ли? Никогда дела не шли так хорошо, как сейчас. Похоже, ночь — лучшее время для него. Лучшее время для рождения романа. Все самое лучшее в нашей жизни случается ночью, когда все спят, когда наступает тишина. И все самое худшее — тоже.

Всю прошедшую неделю с тех самых пор, как он сел за новый роман, Бен практически не спал, заполняя часы сна собственными фантазиями, которые помогали взбодриться. Распространенное мнение о том, что чтение книги в час совы, или же её написание, эффективнее усыпляет человека, являлось лишь наполовину правдой. Все зависело от истории, запертой на страницах, или в голове писателя. Усыпляла — скука. Откровенная скука, таящаяся в бесконечном потоке слов — лучше любого снотворного. Она могла усыпить любого человека в абсолютно любое время суток. Но если рассказываемый сюжет увлекал — он держал до последнего, придавая сил для безудержного и непрерывного перелистывания страниц. Или для бесперебойного стука клавиш.

Но не только захвативший сознание сюжет двигал Беном. Кошмары были настоящей причиной ночного бодрствования. Кошмары, которые преследовали его с тех самых пор, как он нашел серебряную монету. Несколько первых ночей они были смутными, теряющими очертания после пробуждения, но каждый следующий все более и более отчетливо запечатлялся в памяти, обрастая все новыми деталями. И каждый следующий — был продолжением предыдущего.

Бен помнил каждый из них. Словно разум писал собственную книгу, пока хозяин спал. Таковую, которая отвращала. Таковую, которую Бен не мог повторить собственными руками, напечатав её на чистом листе в программе Word. Слова, которыми он владел в совершенстве, описывая любое задуманное — исчезали при попытке описать то, что он видел. Закрывая глаза — Бен мог с точностью представить все, что он видел, но не словами, а чувствами, образами, красками. А тот ужас, который человек испытывает во сне — нельзя облечь в слова и предложения. К счастью.

Так книга, рождаемая после полуночи, приобретала оттенок, не свойственный его прошлым работам. И оттого она затягивала его еще сильнее. Как свежий глоток воздуха после душного застоя идей, она постепенно оттесняла воспоминания о кошмарах, заполняя освобожденное пространство собой. Никогда еще он не писал так много, как теперь.

Бен вновь впился пальцами в клавиатуру, не отрываясь от неё около получаса. Глядя на быстро выстраивающиеся друг за другом буквы, он улыбался собственным находкам и удачным закручиванием сюжета. Перебирая в уме подходящие слова, его взгляд случайно зацепился за часы в правом нижнем углу монитора, которые показывали 2:51.

«Почти три часа», — мелькнула мысль, сменившаяся другой, произнесенной вслух им же самим:

— Не прерывайся. Ещё немного. Ты уже близко.

Клавиатура вновь застрекотала, буквы вновь принялись выстраиваться в ряд.

До тех пор, пока их не перебил легкий цокот когтей по полу.

Бен отвлекся, упустив важное слово, необходимое для завершения предложения. Для завершения идеи. Оно ускользнуло так же легко, как вода, утекающая сквозь пальцы, не оставив после себя никакого воспоминания. Несколько мгновений Бен силился вспомнить его, но слово ушло. И виной тому инородный звук, прозвучавший в комнате.

Положив руки на стол, Бен прислушался. В кабинете царила тишина, не нарушаемая даже ночной жизнью разлившейся за окном природы. Стол был пуст. Ничего лишнего, кроме ноутбука, настольной лампы, заливающей мягким желтым светом необходимую часть рабочего пространства и открытого блокнота с пометками и ручкой, лежащими справа от него. Немного отъехав на кресле от стола, Бен встал, пересек кабинет и щелкнул выключателем возле двери. Яркий белый свет шести лампочек, разогнавший тьму комнаты, на миг ослепил писателя. Проморгавшись, он внимательно осмотрел комнату, не двигаясь с места и прислушиваясь. За пару минут наблюдений Бен так и не смог найти источник загадочного звука.

Вернувшись к столу, он принял удобную позу, сосредоточился. Часы в ноутбуке показывали 4:03. За окном медленно начинал разливаться тяжелый утренний свет. Курсор на экране мигал, словно напоминая о том, что следовало продолжать. Бен медленно положил пальцы на клавиши, готовясь выдать очередную порцию проигрыша не хуже любого талантливого пианиста. Слово, которое ускользнуло от него, то самое, которым следовало закончить предложение, медленно подбиралось к его разуму. Он закрыл глаза, как делал всегда, когда ответ близко. Еще мгновение и... легкий, но достаточно громкий шорох, перешедший на мгновение в писк, вновь сбил его с мыслей, закрывая доступ к ним теперь уже окончательно.

Желваки заиграли на щеках Бена. Он открыл глаза и едва не поддался порыву ударить кулаком по столу. Резко откатившись от стола, он посмотрел вниз. Справа, возле его боковины, блеснул маленький кругляш. Бен наклонился, протянул руку. В его ладони оказалась та самая монета, найденная в дыре в подвале.

— Ты тут каким образом оказалась? — он попытался вспомнить, куда положил её в последний раз, но так и не смог. — Должно быть лежала на столе, а я случайно смахнул тебя рукой... Нет. Звук должен был быть другой. Такой, как... Хотя, не важно, — бормотал Бен, разговаривая с серебряным кругляшом, зажатым в пальцах.

Только теперь, глядя на неё, Бен почувствовал, до какой степени он измотан. Казалось, что он был готов уснуть прямо здесь и сейчас. Казалось, будто вся недельная бессонница закончилась в одночасье и сейчас наступит блаженная нега, но он знал, что это далеко от истины. Даже если он и сможет уснуть, то вернутся кошмары. Сновидения, которые он бы предпочел не видеть.

— Но если не спать, будет еще хуже, — пробормотал Бен, положив монету на стол и сохраняя в памяти все написанное, оборвавшееся на последнем слове.

Слове, которое он обязательно подберет завтра.

Он откинулся в кресле, заложив руки на голову, не подозревая о двух парах маленьких черных бусинок глаз, которые следили за ним из вечной темноты, скопившейся под шкафом.

4

Маргарита медленно пересекала зеленое море неподвижно стоящей травы, которая едва доходила ей до колен. На женщине не было другой одежды, кроме её легкой льняной туники, в которой она неизменно спит. Босые ноги двигались словно по собственной воле, не останавливаясь ни на секунду, будто стремясь как можно быстрее достичь горизонта.

Яркий свет слепящего солнца, заслонила огромная туча, выглядевшая на фоне безукоризненно чистого синего неба, чёрной. Вдали, на самой тонкой полоске горизонта сверкнула молния. Громыхнул гром. Тихий, далекий, неуверенный.

Маргарита двигалась навстречу грозовому облаку подобно сомнамбуле, пока разум её не проснулся. Она остановилась, осмотрелась. Полю не было ни конца ни края, словно весь мир был им и не существовало ничего, кроме бесконечного простора и зеленой травы, усеивающей его.

Страх налетел вместе с сильным порывом ветра. Кровь, неустанно бегущая по венам, заledenела. Тело мгновенно отреагировало дрожью. Вдоль позвоночника, под туникой, быстро сбежала капля пота, неприятно обжигая кожу. Маргарита обернулась до того, как успела понять, что позади неё стоит Он. На мгновение ей показалось, что она увидела Его силуэт и это лишь подстегнуло и усилило страх. Чувства твердили, что за ней следят, но зрение говорило об обратном. Кроме неё, от горизонта до горизонта, не было никого, кто смог бы укрыться в невысокой траве.

Но ужас твердил обратное. Он здесь, Он близко, на расстоянии трех шагов. И Он приближается. Маргарита побежала. Побежала без цели, без направления — все едино. Каждый сантиметр поля повторялся вновь и вновь, заикленный в собственной бесконечности и лишь грозовая туча вносила собственные изменения. Свет дня поглотил сумрак, через минуту уступивший в правах абсолютной, крошечной тьме, с которой соперничали лишь молнии, разрывая на краткий миг её плотную ткань. И даже во тьме, Маргарита не останавливалась, ведь Он не отставал ни на шаг.

Сверкали молнии, освещая ей путь. Оглушительный гром звенел в ушах бегущей женщины. Трава мягко хрустела у неё под ногами. Комья земли поднимались в воздух, отбрасываемые назад безумным передвижением её стоп. И во всей этой картине было что-то еще. Нечто, находившееся за гранью, пыталось пробиться к её сознанию через тихие скребущие и цокающие звуки.

Очередной всполох молний заставил прекратить эту безумную гонку в бесконечном пространстве. Маргарита остановилась внезапно, стремительно. Пропась, разверзшаяся на её пути, едва не поглотила женщину, чьи пальцы ног зависли над пустотой. Земля на краю чуть просела и если бы она вовремя не поймала равновесие, балансируя на пятках и не сделала шаг назад, то скатилась бы в яму, дна которой не было видно.

Вспышка молнии. Яркий, режущий глаз, свет на мгновение разогнал концентрацию тьмы, скопившейся в пропасти. Марго успела увидеть лишь образ человека, сгорбившегося на дне. Образ до боли знакомый, но не менее пугающий, чем то, что по-прежнему находилось за её спиной.

Очередной оглушительный раскат грома принес ливень, остудивший разгоряченную от безумной гонки кожу женщины.

Писк, цокот когтей. Где-то совсем близко, но не здесь. Не на этом размокшем от воды поле. Не под ногами, но... в её ушах. В её голове.

Почва, превратившаяся в болотную жижу, теперь доходила Маргарите до щиколоток, пробираясь с каждой секундой все выше и выше и затвердевая, словно цемент. Женщина попы-

талась вырваться из этой хватки, но ничего не вышло. Своими усилиями, она лишь растревожила почву, заставив её скользить вперед. Прямо в черноту пропасти.

Маргарита упала, вывернувшись назад. Цепляясь руками за полегшую от тяжести воды траву, она пыталась задержать скольжение. Почва с легкостью выпускала из своих объятий тонкие стебли корней, оставляя Марго без единого шанса на спасение. Она закричала.

Мгновение свободного падения. Удар. Всплеск. Фейерверк черных брызг. Болотная жижа сомкнулась над головой женщины. Она вынырнула, судорожно хватая ртом воздух. Грязь забила в уши, в рот, в нос. Маргарита зашлась кашлем, выплевывая размягченные водой комочки почвы. Молния разрезала тьму, словно раскаленный нож — масло. Женщина была внизу, в яме. В луже, скопившейся внизу. В луже, которая продолжала утягивать её тело еще глубже.

Суставы захрустели, напряглись. Вены на руках вздулись. Челюсти сжались так сильно, словно еще секунда, и зубы начнут взрываться от сильнейшего давления. Ещё одно усилие. Ещё немного. Раздался сладкий, влажный чмок извращенного любовника и грязь выпустила руки женщины, позволив подняться ей на ноги. Маргарита инстинктивно хотела отойти назад. Всего один шаг, не дающий никаких гарантий безопасности, но вселяющий это ложное чувство. Шаг, которого она лишена. Выпустив её руки, черная влажная масса отказалась отпускать ноги, пресекая любую попытку бежать.

Цокот, писк. Совсем рядом. Прямо перед её лицом и одновременно далеко, за гранью этого мира. Дальше грозы, молний, ямы и Него.

Он был тут. Не тот, кто стоял за спиной Маргариты. Не тот, кто преследовал её. Другой Он. Тот, за спиной которого оказалась сама женщина. Тот, который не видел её, занимаясь собственным делом. Чем он занимался? Дрожа от страха, Маргарита чуть подалась вперед. Железо вгрызалось в месиво, влажный хлюп, тяжелый вздох, шлепок. И заново. И еще раз.

Молния, ударившая в край котлована, осыпая Маргариту кусками высохшего, обгорелого грунта, выхватила из тьмы спину человека, рывшегося в раскисшей земле. Женщина узнала его. Она узнала бы его где угодно.

Маргарита позвала его, но очередной раскат грома заглушил её слова.

— Бен! — выдохнула она имя вместе с остатками воздуха из легких.

Лопата замерла на полпути. Она не видела, но чувствовала. До боли напрягая зрение, Марго вновь пошевелила ногами, но результат оставался неизменным.

Чавкающий звук шагов. Медленный, неуверенный, приближающийся. Казалось, её муж был совсем рядом, но Маргарита успела насчитать шесть шлепков, прежде чем тьма медленно начала расступаться перед силуэтом.

— Бен? — теперь она не была уверена в том, что видели её глаза несколько мгновений назад.

Силуэт не ответил. Он замер в полушаге от неё, держа лопату наперевес. Бездна смотрела на неё не двигаясь. Маргарита изо всех сил дернула ногой, в последней попытке, но тщетно. Она поняла, что перед ней не её муж. Вернее, не совсем он.

В гнетущем молчании они смотрели друг на друга сквозь пелену черного савана до тех пор, пока тень не начала двигаться. Бен наклонился вперед, словно близорукий, в попытке разглядеть лицо человека. Марго слегка отстранилась, но тень не отступала до тех пор, пока не приблизилась почти вплотную.

Писк, шорох, скребущий звук когтей.

— Взгляни на меня, — прошептал силуэт голосом Бена, отстраненным, глухим, доносящимся с другого конца вселенной.

Молния подарила свет, заставляя Маргариту закричать, срывая голос. Длинные зубы, словно частокол, вытягивались из-под верхней губы. С них на землю капала прозрачная слизь, лишь отдаленно напоминавшую слюни. Синяя кожа обтягивала череп так сильно, словно вот-

вот лопнет. Нос, покрытый черной гнилью, был повернут под неестественным углом. А глаза Бена были пусты. Лишь белки глядели на бьющуюся в истерике Маргариту.

Это, без сомнения, был её муж. Точнее — его мёртвое, разлагающееся тело.

Силуэт отступил на шаг и поднял лопату над головой. Марго увидела её ясно, даже сквозь пелену тьмы. И над ней она увидела их. Сотни и тысячи маленьких, словно дождевые капли, черных глаз.

Цокот коготков по камню, писк.

Краткое мгновение, и лопата стремительно полетела вниз, целя ей прямо в голову.

Но удара не последовало.

Маргарита спокойно открыла глаза в темноте, лежа в собственной постели. Ночная рубашка, насквозь вымокшая от её пота, отвратительно липла к телу. Секунду назад она видела кошмар, детали которого стерлись мгновенно. Марго лишь инстинктивно чувствовала, что это был дурной сон. Да и излишняя потливость недвусмысленно указывала на это.

Но было нечто, вернувшееся с ней с той стороны. Это нечто витало в воздухе. Еще минуту Маргарита не могла понять, что именно преследовало её. Она лежала неподвижно, словно боялась спугнуть догадку, которая подбиралась к её ушам.

Писк, цокот когтей, шорох.

Эти звуки. Они были не во сне. Они лишь пытались проникнуть в него из реального мира. Бессмысленная возня, легкий цокот перемещающихся по полу маленьких коготков, тихий, еле слышный писк — все это вихрем промчалось в тишине спальни, утопающей в сумраке.

Маргарита рывком села в постели, повернулась к прикроватной тумбочке, включила светильник и посмотрела на лежащие рядом часы. Половина пятого утра. Задернутые шторы начинал подсвечивать снаружи свет медленно выползавшего солнца. Она прислушалась. Звуки исчезли, уступая место нарастающей в женщине панике.

— Господи, прошу тебя, только не крысы, — зашептала она. — Пусть это будут не крысы. Только не они.

Бена, естественно, не оказалось в постели. Не оказалось тогда, когда он был особенно ей нужен. Маргарита ощутила себя полностью обнажённой перед опасностью, что скрывалась где-то внизу, в темных углах, не рассеиваемых светом маленького светильника, спальни. Осторожно наклонившись вперед, женщина посмотрела на пол, замерла. Ей казалось, что в таком положении она провела дольше, чем это того требовалось.

На её счастье, в комнате вновь воцарилась незыблемая тишина, а все пространство обозреваемого ею пола было пустым. Однако, страх, зудевший под кожей, не отпускал, с каждой секундой наоборот, усиливая свою хватку. Руки Маргариты задрожали, ноги начинали затекать, тело — замерзать. Мокрая от пота туника еще прибавила в весе.

— Это был всего лишь отголосок сна, не более, — прошептала Маргарита, стараясь успокоить саму себя. Но не поверила ни единому слову. Она чувствовала, что за ней наблюдают. Она знала это наверняка. — Бен! — крикнула, наконец Маргарита, в надежде, что муж услышит её.

Муж не откликнулся. Никаких звуков, свидетельствующих о том, что Бен спешил к ней.

— Бен, черт бы тебя побрал! — вновь крикнула срывающимся голосом женщина.

Тишина.

Она не могла больше здесь оставаться. Не могла просто лечь спать. Для неё оставался лишь один выход — бежать. Прочь из спальни. Прочь из дома. Куда угодно, главное — подальше отсюда.

Рывком выбравшись из постели, Маргарита добежала до двери. Ноги отказывались её слушаться, подгибаясь и заплетаясь на каждом шагу. Кровь, возобновившая свой приток, миллионами маленьких иголок пронзала кожу. Распахнув двери, Марго выбежала в коридор.

— Бен! Где ты? — повторила она, но на этот раз её крик получился не громче шепота.

Подбежав к двери его кабинета, она рванула её на себя. В комнате, скупо освещенной светом нового дня, было пусто.

— Бен? — ей казалось, что сейчас, прямо в это самое мгновение, из спальни выйдут все её ночные кошмары в виде сотен огромных черных крыс с длинными, подобно змеям, хвостами.

Маргарита направилась к лестнице. Схватившись за перила, женщина не заметила, насколько сильно вспотели её ладони. Первая ступень, вторая, третья. Ноги вели себя отстранённо, словно мозговые сигналы поступали с перебоями, предоставляя конечностям самим решать за себя. Паника затмила глаза, лишая чувства самосохранения.

Ноги Маргариты заплелись, ударившись одна о другую. Левая подогнулась, правая, пропустив одну ступень, встала на край следующей. Тело подалось вперед, пытаясь сохранить шаткое равновесие. Казалось, в этот момент замер весь мир наравне с, гулко бьющимся до этого, сердцем. Ладонь, державшаяся за перила, инстинктивно сжалась, но гладкое лакированное покрытие воспротивилось и выскользнуло, словно отталкивая нуждающегося. Одна чаша весов перевесила, ладонь соскользнула, следом нога и Маргарита полетела вниз с лестницы, отсчитывая оставшиеся пятнадцать ступеней, упирающихся в стену, собственным телом.

Глава 6

1

— А может ты действительно сходишь с ума? Еще не сошла, но очень близко к этому?

— Ты правда так думаешь? Или это опять твои шутки?

— Ну я же не психиатр. Или психолог? Или это один и тот же человек?.. Так! Я не об этом. Я к тому, что я не врач. И я понятия не имею, сколько правды и смысла в том, что ты мне рассказала. Может, это нервный срыв из-за... не знаю... например из-за работы. Ах, да, ты же пока не работаешь. Тогда значит из-за него. Я имею в виду твоего бывшего.

Катрина выпила залпом остатки содержимого бокала и знаком дала понять бармену повторить.

— Нет. Понимаешь... — начала Катрина, осознавая, что Ангелина хоть и была её лучшей и ближайшей подругой, но она не сможет понять в данном случае абсолютно ничего. За красивым фасадом, вопреки популярному мнению, у неё скрывался свой собственный, весьма своеобразный расчетливый ум, который был всё-таки совершенно бесполезен, если дело касалось чего-либо необъяснимого. Катрина знала, что манера поведения и общения её подруги — это всего лишь обманный маневр, реклама дурочки с большими губами и красивым личиком. Все, кроме неё, видели в Ангелине живую куклу с не вполне оригинальным псевдонимом «Black Ангел» из категории для взрослых. Чем, не кривя душой, Ангелина успешно пользовалась в собственных целях, превращая чужое недомыслие в кругленькую сумму на собственном счету.

Две подруги были своеобразными коллегами на поприще порноиндустрии, и разделяла их всего лишь гигантская пропасть дозволенности, пересекающую которую Катрине не хотелось. Ангелина же не гнушалась практически ничем, что ей предлагали по контрактам. И объяснялось это проще простого: ей нравилось. И ничего лишнего.

Они познакомились несколько лет назад за границей, в одном из многочисленных на длинной и оживленной улице баров, в канун Хэллоуина. Все присутствующие напивались как обычно, за тем лишь исключением, что большинство были в костюмах разнообразных монстров. Катрина была одета как Барби, а Антон, сидящий напротив неё, был самым обычным и скучным вампиром в черном плаще с кровавым подбоем, коих в одном этом заведении набиралось около десятка. Правду сказать, и образ Барби был не столь уж и оригинальным, но вряд ли кого-то это вообще волновало. Сквозь царящий внутри шум, она все равно слышала недовольный тон своего мужчины, с которым он обращался к ней. Чем именно он был раздражен в тот день, Катрина уже не помнила, но то, что это происходило уже не в первый раз — было если не удивительно, то как минимум настораживающе. Один из первых признаков разлада, который Катрина продолжала упорно игнорировать. И так, среди всеобщей развеселой суматохи, к ним и подошла Ангелина...

Нет, неправильно.

Она практически упала на стол между ними, опрокинув напиток Антона на его брюки. Как выяснилось гораздо позже — она сделала это намеренно из-за, выражаясь её словами, «внутреннего побуждения к спасению». Катрина ей показалась слишком грустной и подавленной, а тут был еще и он, «страшный до зевоты кровосос, всем своим видом вызывающий презрение и пытающийся задавить свою куколку собственным сомнительным авторитетом». С первого взгляда Антон не понравился Ангелине. С тех пор между ними и не заладилось. Чего нельзя было сказать о двух девушках, совместный вечер которых по итогу удался. Вечер, который вылился в практически сестринские отношения. А тот факт, что их жизненные позиции и занятия оказались практически идентичными, только сильнее укрепил эти отношения.

— Понимаешь, — повторила Катрина. — Дело не в том, что это из-за какого-либо внешнего воздействия. Дело в том, что это даже не в моей голове. Оно как будто... Рядом. Просто рядом и все. А я — наблюдатель, который не может сделать абсолютно ничего.

— Если все то, что ты мне рассказываешь — действительно правда, — она приставила ребро ладони ко рту, чуть наклонилась, прошептав, — а я не сомневаюсь, что это действительно так, — убрала ладонь и продолжила, — то тебе нужно обратиться к врачу. Я серьезно.

В баре, где Ангелина, Катрина и еще некоторые из их общих знакомых пользовались некоторыми скромными привилегиями, можно было разговаривать без риска того, что их кто-либо сможет подслушать. И дело даже не в музыке, которая играла достаточно громко, скрывая их слова от посторонних, а в администраторе, который зорко следил за тем, чтобы никто не мешал VIP-персонам и, находясь вне поля зрения, при этом был всегда рядом.

— Вряд ли я пойду к нему, — Катрина сделала глоток коктейля, недавно обновленного человеком за барной стойкой.

— Тогда остается смотреть, что будет дальше. Хочешь я поживу с тобой?

— Ты серьезно?

— Конечно! Почему нет? У меня сейчас свободная неделя. Контрактов нет. Отдыхать как-либо я не планирую. Что скажешь? — когда дело касалось свободного времени — она всегда лгала Катрине.

Не сводя глаз с подруги, Ангелина раскрыла сумочку и вынула сигарету из лежащей внутри пачки. Бармен молниеносно поднес к сигарете огонь зажигалки. Ещё один из тех, кто был всегда рядом, оставляя при этом личное пространство клиентам.

— А как же твой новый, с которым ты сейчас живешь?

— Уже не живу.

Катрина рассмеялась, впервые за день почувствовав себя легко и непринужденно.

— Тебе никто не говорил, что ты...

— Оскорбишь меня — и ты труп, — предупредил сигаретный уголек, появившийся перед лицом девушки.

— А если не оскорблю, то я так себе подруга, которая не может даже сказать всей правды.

— И то верно, — уголек исчез, оставляя в горле неприятное жжение. — Ну так как тебе мой план?

Катрина сделала еще глоток и задумалась всего на мгновение.

— Нет, — выдохнула она.

Она хотела, чтобы Ангелина была всегда рядом. Она готова была принять её предложение, но не могла. Не сейчас.

— Уверена?

— Думаю, да.

— Ты же знаешь, что всегда можешь изменить своё решение?

— Конечно.

— Отлично! — Ангелина затянулась, стряхнула пепел в пепельницу, которая появилась одновременно с тем, как она закурила, и поискала взглядом бармена. — Можно мне повторить?

— Нет проблем, — несколько секунд, и напиток, подавляющую часть которого составлял ром, вновь стоял перед ней.

— Так и чем займемся? — Ангелина втянула жидкость через трубочку, перемешивая её с никотином.

— Есть предложения?

— О да. Еще какие, — она улыбнулась той самой улыбкой, которая не сулила ничего хорошего. Точнее — все самое лучшее, но не для всех.

Катрина вздохнула.

— Думаешь стоит?

— Еще как! Иначе какой смысл в четырёх коктейлях, которые я уже выпила? Думаешь, я вытащила тебя из дома только для того, чтобы приходить в ужас от твоих рассказов? Настал мой черед пугать, — Ангелина подмигнула. — Нельзя жить этим только на работе.

— Вот именно поэтому я уже и не стараюсь запоминать имена твоих парней.

— Ты думаешь, я сама их запоминаю?

Девушки рассмеялись. Алкоголь сглаживал смятение, поселившееся в душе Катрины. Наверное, именно по этой причине она так сильно обожала Ангелину. Подруга всегда тянула её за собой. И никогда Катрина не жалела об этом, как бы ни было плохо на следующее утро. Только она могла помочь. Даже теперь.

— Для начала пообещай мне одну вещь, — Ангелина воткнула окурок в пепельницу.

— Мне уже страшно. Какую?

— Никаких больше разговоров о твоём полтергейсте, хорошо? Тем более, когда мы покинем пределы этой замечательной барной стойки, где нам всегда подадут стакан. Это все серьезно, я понимаю и верю тебе. И если это будет повторяться и тревожить тебя — я приеду в любое время дня и ночи, чтобы помочь тебе разобраться. Но сегодня — мы отдыхаем. От всего, что происходит там, — она неопределенно махнула рукой, — далеко отсюда.

Мяууууу.

Катрина услышала. По телу пробежала дрожь, но она успела не выдать себя. Выдавив кислую улыбку, она в согласии кивнула.

— Что-то я не вижу энтузиазма в твоих глазах, — вздохнула подруга. — Придется подселить его насильно. Идем!

Они залпом прикончили остатки коктейлей. Ангелина взяла сумочку в одну руку, другой крепко схватила Катрину и понеслась сквозь «живой» танцпол к цели, известной только ей.

2

Катрина открыла глаза. Осторожно, опасаясь не столько похмелья, сколько того, что она может увидеть рядом с собой. События прошлой ночи не сразу восстановились в её памяти, но желудок подсказал о том, сколько было выпито спиртного.

Она лежала одна. На диване, в одной из комнат, в квартире у Ангелины. Голова, на удивление, не болела. Если не считать тяжесть собственного тела, которое будто целиком состояло из прессованной ваты — чувствовала она себя вполне приемлемо. Перевернувшись на бок, Катрина вспомнила все, что произошло ночью. И кроме этого — знала, что произойдет в ближайшее время. Пожалуй, единственное, что она ненавидела всей душой в Ангелине — это именно то, что произошло.

Они танцевали так, словно завтра уже не наступит. Коктейли лились рекой. Музыка играла, оставляя после себя звон в ушах на несколько дней вперед. Две подружки за ночь обошли несколько баров и ночных клубов, пока Ангелина не нашла то, что искала. Идеальный шанс — так она это называла.

— Два одиноких молодых жеребца — то, что нужно в данной ситуации, — улыбаясь, Ангелина сладко прошептала эти слова на ухо подружке.

Катрина не могла сказать «нет». Да оно бы и не сработало. Если Ангелина взялась — значит это произойдет в любом случае. И вот тьма последнего ночного клуба, в котором она увидела их, сменилась на тьму её квартиры. Она не боялась ничего. Ангелина всегда чувствовала себя в полной безопасности, даже оставаясь наедине с незнакомцем. Одна из черт характера, которая не сулила своей хозяйке смерть от естественных причин.

Катрина была пьяна так сильно, что почти согласилась. Но только громкое предостерегающее кошачье шипение взбудило её, отрезвляя достаточно, чтобы взглянуть на ситуацию под другим углом. И в последний миг она смогла отказать, чем только вызвала смех собственной подружки.

— Это для твоего же блага, детка, — сказала она заплетающимся языком, после того как достала его изо рта одного из парней.

— Если тебе так хочется — забирай обоих. Я. НЕ. ХОЧУ! — отрезала Катрина.

Ангелина лишь улыбнулась, пожалала плечами, встала, взяла обоих за руки и отвела незнакомцев в другую комнату, не забыв закрыть за собой дверь.

Память — штука довольно сложная. Особенно, если ты пытаешься вспоминать все что происходит после того, как ты переступаешь тонкую грань, которая разделяет трезвое мышление и пьяные фантазии. Возможно, все было совсем не так, либо так, но с многообразием мелочей, узнав которые, вся история меняется в корне. Но как бы то ни было на самом деле — Катрина точно знала, сколько человек находится в соседней комнате. Последнее, что она помнила — это разрастающиеся звуки секса, пока сознание не сжалилось над ней и не отключилось.

Катрина села. В комнате витал легкий запах похмельного перегара, который случается даже у девушек. Хорошо, что никто кроме неё этого не чувствует. Встав с дивана, она слегка пошатнулась. Спать на нём было не очень-то и удобно, но всё-таки гораздо лучше, чем в удобной постели вчетвером с первыми встречными. Подойдя к окну, она распахнула его, впуская в комнату запыленный воздух улиц, который, тем не менее, был гораздо более свежим, по сравнению со скопившимся в помещении.

Она не раз ночевала у Ангелины, поэтому вполне свободно могла обойтись без хозяйки. Пройдя в ванную, Катрина почти было соблазнилась принять душ, но ограничилась лишь умыванием и чисткой зубов. Благо одноразовых зубных щеток у подружки было предостаточно.

«*Интересно, для чего ей столько?»*, — Катрина впервые задумалась об этом, но решила, что этому вопросу лучше остаться без ответа.

Первым, кого она встретила в коридоре, выйдя из ванной комнаты — был один из парней, который был совершенно голым. Увидев её в коридоре, он не удивился и даже не прикрыл своё свисающее откровение. Лишь улыбнулся и подмигнул заспанными, уставшими глазами, по которым было видно только одно: ночь удалась, но он не против продолжать.

— Господи, — прошептала Катрина.

Она осторожно, но быстро обогнула его по широкой траектории, стараясь держаться как можно дальше от него и как можно ближе к стене, и проскользнула обратно в комнату. Хорошо, что никто из парней не узнал в ней и Ангелине, актрис для взрослых. Подобное знание порой заставляет незнакомцев вести себя неадекватно. Тем более, когда они находятся наедине с девушками. Все-таки Ангелина — большой любитель ходить по очень тонкому льду.

Комната, где спала Катрина, была проходная, соединяющая запертую комнату, где уединилась её подруга с незнакомцами и коридор, ведущий в другую часть квартиры. Так что парень, попавшийся ей на пути, должен был вновь пройти мимо. Она встала у окна и принялась изучать открывающийся, ничем не примечательный вид.

— Доброго утра, — раздался за спиной тихий голос.

— Доброго, — ответила Катрина, не отрывая взгляда от прохожего, который с высоты пятнадцатого этажа выглядел словно муравей.

— Как твое самочувствие?

«*Уходи, уходи же*», — мысленно попросила она.

— Вполне, — ответила вслух.

— И у меня вроде как, — он кашлянул в кулак. — А может...

— Нет, не может, — перебила его Катрина. Что бы он ни предложил, как бы ни закончил начатую фразу — её ответ останется «нет».

— Я же даже не закончил.

— И не нужно, — прохожий скрылся из поля зрения и глаза Катрины нашли другого, провожая его.

— Ну, как знаешь, — шлепки голых ног по полу, дверь открылась и закрылась.

Катрина обернулась. В комнате не было никого.

До её слуха донеслось шуршание за только что закрывшейся дверью, приглушенные голоса, кашель. Один разбудил всех остальных. Значит, последний акт был близок.

Не прошло и получаса, как вышла Ангелина. Одета и довольная. Она потянулась, улыбнулась Катрине и подошла к ней, припав к её уху.

— Хорошо, что ты отказалась от второго, — прошептала она.

— Неужели так плох?

— Наоборот. Начать с того, что у него...

— Меня не интересуют ни размеры, ни прочие подробности прошлой ночи от сумасшедшей. Отойди от меня, а то воняет так, что меня сейчас стошнит, — зашипела Катрина с улыбкой, закрыв Ангелине рот ладонью.

Ангелина замотала головой, освобождаясь от кляпа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.